

Мастера ужасов

18+

Эд Курц

И СОЗДАЛ ИЗ РЕБРА
Я НОВЫЙ МИР

Мастера ужасов

Эд Курц

И создал из ребра я новый мир

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

Курц Э.

И создал из ребра я новый мир / Э. Курц — «Издательство АСТ»,
2018 — (Мастера ужасов)

ISBN 978-5-17-132798-9

1940-е годы. В маленьком и всеми забытом Литчфилде жизнь идет своим чередом, и бывший полицейский, а ныне охранник и частный детектив Джордж Уокер, страдает от скуки, безуспешно пытаясь забыть собственное прошлое. Но все меняется, когда в город приезжает передвижной кинотеатр. По официальной версии он демонстрирует всем желающим самый обыкновенный пропагандистский фильм, но в городе упорно ходят слухи, что на самом деле зрители увидят нечто невероятно откровенное, а то и просто скандальное. Только вместе с кинотеатром в Литчфилд приходит настоящий ужас. Сначала прямо в номере отеля что-то разрывает на части одного из постояльцев, и после этого количество странных смертей и исчезновений в городе только растет. Уокер берется за расследование, но не знает одного: когда поднимется занавес, улицы вокруг захлестнет безумие, жестокость и неистовство, начнется настоящий карнавал черной магии и оживших кошмаров, главные роли в котором уготованы самому детективу и всем жителям Литчфилда.

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-132798-9

© Курц Э., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Пролог	7
Часть первая. Уболтай, потом продай	11
Глава 1	11
Глава 2	21
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	37
Глава 6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Эд Курц

И создал из ребра я новый мир

Ed Kurtz

THE RIB FROM WHICH I REMAKE THE WORLD

Copyright © 2018 Ed Kurtz

© Григорий Шокин, перевод, 2021

© Ольга Зимина, Валерия Евдокимова, иллюстрация, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

*Он был монстром, созданным самой природой.
Кларк Эштон Смит. Чудовища в ночи*

– Ад, конечно, есть. – Я слышу, как он это говорит, прямо сейчас, когда лежу на кровати, и она дышит мне в лицо, прижавшись всем телом. – Это такая серая пустыня, где от солнца нет ни тепла, ни света и где Привычка лежит вповалку с Желанием.

Это место, где смертное «хочу» обитает вместе с бессмертным «необходимо», и, когда наступает ночь, тьма оглашается стонами одного и экстатическими воплями другого.

*Да, ад есть, мой мальчик, и совсем не надо его искать...
Джим Томпсон. Дикая ночь¹*

¹ Перевод И. И. Мансурова.

Пролог

Шарманка, с одной стороны, сражалась за право царствования с пронзительной каллиопой, с другой – порождала оглушительную и беспорядочную какофонию. Казалось, все это устроено на потеху одной лишь обряженной в феску мартышке, что творила свои ужимки и прыжки в ногах шарманщика – к вящей радости детей и столь же зримому неудовольствию взрослых. Тиму Дэвису было тошно: на смене он торчал несколько дней кряду, и ему чудилось, что сегодня скрипучий цыганский коловорот звучит отвратнее вчерашнего, хотя, казалось бы, куда хуже. Два дня назад Тим одарил цыгана выразительным взглядом, прямо говорящим: *ты мне не нравишься*. Но мужик в ответ расплылся в широкой улыбке-гнилозубке под грязной щеткой черных усов и сказал:

– Хорошо играть, да? Обезьяна говорит – хорошо!

Уходя прочь, загребая подошвами грязь и опилки, Тим припомнил, как накануне под вечер к нему пришло осознание, что, если удавить проклятую мартышку, больше не придется слушать шарманку цыгана. Каллиопу он как-нибудь потерпит – разве реальный цирк без нее обойдется? Обезьяны хороши для цирковых дел, но достать их куда проще. Он сам мог бы разжиться мелкой вертихвосткой хоть сегодня, если б захотел. Даже здесь, посреди гребаного ничто, в Арканзасе.

Видок у Тима, вероятно, был зело хмурый, потому что на полпути от каллиопы к импровизированному забору, огораживавшему подмостки, из ниоткуда, словно призрак, вдруг материализовался Львиный Джек – и взревел:

– Ты чего нос повесил?

Это своего рода шутка – нос у Тима был маленький и приплюснутый, «повесить» его при всем желании не удалось бы. Он нахмурился еще сильнее. Силач остановился перед ним, как всегда, терпеливый, когда дело касалось реакции на его подначки: первая не прокатит – запускать вторую. Гладко выбритый, в пятнистой меховой тунике, он выглядел совершенно нелепо, но такая у него была роль. Похоже, только завершился его очередной номер – из палатки, полной местного отребья, еще неслись восхищенные вопли и другие, менее обнадеживающие звуки, указывающие на то, что кто-то перебрал с выпивкой и заблевывает опилки. Убирать, разумеется, придется Тиму. Боже, до чего мерзкая жижа текла из глоток этих сукиных детей!

– Что, опять Минерва не дает? – поинтересовался силач.

Минерва, Змеиная Леди – совсем не та дамочка, что страдала от жуткой хвори кожи и реально смахивала на рептилию, а простая заклинательница змей, – отказывала Тиму во внимании, не сменяя гнев на милость, грозила даже пожаловаться, что он ее преследует. Тим порой проводил часы, дуясь и думая об этом. Иногда он подглядывал за ней через окно в ее маленьком деревянном трейлере; смотрел, как она развлекается с очередным, подцепленным днем неотесанным деревенщиной. Ей нравились мужики крепкие и высокие, и чем тупее – тем лучше. Тим, конечно, мог прикинуться тупым, но с низким ростом, костлявым телосложением и общей непритязательностью ничего поделать не мог. Даже на фоне цирковых уродцев и фриков он не выглядел красавчиком.

– Нет, не в этом дело.

Тим миновал шкафообразную фигуру Львиного Джека и направился к калитке в заборе. Закрыв за собой дверку, он поплелся к Палате Десяти Чудес. Неспешно заходило солнце – на открытых проселках всегда так, спрятаться особо не за что. Человек Скелет Хэл Уайт стоял снаружи тента, с сигаретой, прилипшей к бледной губе, и костлявыми пальцами листал детективный журнал. Как обычно, он был обнажен до пояса, всем гордо демонстрируя свой паразитально исхудалый, обтянутый бесцветной кожей торс.

– Шоу кончилось? – спросил его Тим.

– Ага. Так себе ночка.

– Что, толпа не собралась?

Хэл кивнул.

– Мальчик-волк не переставал плакать, и еще какой-то ублюдок так налакался, что аж вырубился...

Тим покачал головой. Хэл развел руками.

– Думаю, понадобится водица, чтоб все те куриные потроха, что он выблевал, смыть.

Скелет сунул одну из своих титульных карточек в журнал, чтобы отметить прогресс, печально глянул поверх страниц и достал сигарету из своего кармана. На карточке той его сценическая легенда значилась – ни слова правды в ней, естественно, не было.

– Минерва уехала в город, – сказал он.

– В какой еще город?

Хэл снова развел руками. Всякий раз, когда он так делал, кости на плечах выступали так резко, что оставалось гадать, как кожа не лопается.

– Да плевать мне на нее. Я хочу повидаться с Гарри.

Скелет проткнул воздух ужасно тонким большим пальцем.

– Там, – коротко бросил он. – Опять в лесу.

Отвернувшись от Хэла, Тим уставился в глухую чащу. Где-то там, за лесной чертой, среди чахлах и нагих вязов гулял Черный Гарри Эшфорд, единственный и неповторимый. Жестом поблагодарив Скелета за наводку, Тим помчался ему навстречу.

Хоть и будучи абсолютно уверен в том, что видел его среди теней, отбрасываемых густыми ветвями, Гарри терял образ, когда смотрел прямо. Лишь краем глаза, на периферии, он зацеплял эту темную, невнятную форму, разгуливающую по лесу, да и то еле-еле. Поначалу напоминавшая человека, теперь она выглядела скорее собакой или козой. Гарри не смог бы сказать наверняка, не взглянув на нее прямо, но она исчезала без остатка, стоило ему лишь попытаться. Странные дела.

Фигура вошла во мрак, как накануне вечером и позавчера ночью. В первую ночь Гарри решил, что это он ее вызвал. У него был гримуар, он произнес все нужные слова:

Люцифер, Уир, Хамерон, Алисеон, Мандусин...

Прими, Ориет, Найдрус, Эсмони, Эпаринесон, Эстиот...

Думоссон, Данохар, Касмиэль, Хайрас...

Фабеллеронтон, Содимо, Пеатам...

Явись, Люцифер, явись.

Сказать семь раз и зажечь черную свечу.

Ну и чушь.

Он – волшебник, но банальные салонные трюки были его коньком, несмотря на запутанную и неопровержимо ложную генеалогию, предоставляемую зрителям в начале каждого выступления (наследник древнейшей династии чернокнижников и прочая чепуха в том же духе). Поначалу ему неизменно удавалось нагнать страху на детей и старух, но затем он переходил к карточным трюкам и ловкости рук и избитой подставе с «добровольцем» из аудитории, роль которого все чаще исполнял юнец Тим Дэвис – когда не подчищал за гостями гнусь. Что ж, пусть только какой-нибудь глупец заявит, что его искусство – сплошь ерунда...

Но ведь так и есть. Чушь, ерунда, бессмыслица. Вся эта книга – сплошь пишик.

Но эта фигура!..

Гарри увидел ее снова в сгущающихся сумерках и теперь не повернул голову – аморфное нечто сохранилось в поле зрения. Вместо этого он сосредоточил взгляд на печати из гримуара у своих колен, выведенной в суглинке острием кинжала:

«Мерлин недоделанный», – усмехнулся он про себя.

Черный Гарри в самом деле. Ранее в Палате десяти чудес какой-то деревенщина с галерки крикнул: «Но он же ни разу не черный!» Конечно, так и есть. Однако он все равно снова и снова декламировал эту тарабарщину, и дурацкий символ был вырезан им в доброй сотне окрестных лесов. Что еще оставалось? Да и какой от этого вред?

Поднялся легкий ветерок и потревожил темную плеть ветвей – кривых ведьмовских пальцев, цеплявшихся друг за дружку. Легкий, но влекущий за собой ощутимый холод – и в кратком порыве сдул очертания печати, оставив одну грязь.

В сердце помраченной чаши фигура, трепетавшая на самом краю поля зрения Гарри, вдруг изменила форму, вняв этому порыву.

Явись, Люцифер. Явись.

Тим тоже видел эту фигуру, но принял ее за лесное животное – оленя, к примеру. На мгновение он замешкался, раздумывая, может ли в хилых лесах Арканзаса сыскаться кто-то более опасный – медведь или вепрь. Но фигура будто отпрянула от него сама, об угрозе не было и речи. Через минуту он уже забыл о ней. Все его мысли вращались вокруг Гарри.

Волшебник сидел на земле, скрестив ноги. Его окружала гниющая лесная подстилка – все выглядело так, будто он восстал из собственной могилы. Глаза Гарри были закрыты, книга в темном кожаном переплете лежала на коленях. Старик, похоже, дремал. Тим быстро прикинул в уме, стоит ли рискнуть и разбудить его.

А потом Гарри распахнул глаза так быстро, словно его веки попросту испарились. С негромким вскриком Тим отшатнулся.

– Гарри?

Губы волшебника приоткрылись, сперва чуть-чуть. Затем челюсть резко пошла вниз, будто оттягиваемая чем-то снизу, и рот Гарри превратился в бездонный и темный колодец, в котором Тим, как ни старался, не мог разглядеть даже зубы.

– Гарри, это я, Тим!

Гарри Эшфорд тихо зарычал. Звук был едва различим за шелестом древесных крон, встревоженных вдруг поднявшимся ветром. За спиной Тима кто-то аккуратно ступал по опавшим листьям. Он сразу обернулся на звук, и на мгновение ему показалось, что за стволом больного на вид дерева сидит чья-то сгорбленная фигура. На деле там никого не было.

Ему пришла в голову мысль, необъяснимая в своей бредовости, что шарманщикова мартышка забралась сюда, сбежав за ним; он даже ухмыльнулся. Быть такого не может. Тим повернулся обратно к Гарри.

И охнул. Глаза старика стали желтыми, цвета гноя. Зрачки сжались до черных точек. Рот был раззявлен на небывалую ширину, подбородок уперся куда-то в основание шеи. *Опять свои трюки выкидывает*, подумал Тим. *Старый дурак решил меня испугать*.

Старому дураку такое удавалось раньше с легкостью.

Взяв себя в руки, Тим произнес:

– Пошли, Гарри, тут тебе не подмостки, и все зрители разошлись...

Он едва успел сказать это, прежде чем Гарри вскочил и бросился на него. Изо рта, ставшего темным провалом, неслись нечеловеческие звуки; пальцы острыми ногтями впились парню в щеки. Закричав, Тим рухнул на спину, споткнувшись о спрятанную посреди листвы корягу. Гарри в мгновение ока сел на него сверху.

Все было кончено еще до того, как оба успели это осознать.

Тим Дэвис вернулся к своим уборщицким обязанностям. Он редко с кем говорил, да и к Минерве утратил последний интерес. По большей части циркачи – артисты, фрики и остальные причастные – избегали общества странного, вечно молчаливого угрюмца: слоняется, и черт с ним. Сам Тим тоже никого не донимал, так уклад и устоялся.

Черный Гарри Эшфорд пропал в лесах. Но люди часто сбегают из цирков и порой возвращаются, когда приходится несладко. Поэтому никого особо не заботило, что произошло в тот вечер с иллюзионистом.

Шоу продолжалось.

Часть первая. Уболтай, потом продай

Глава 1

Джоджо вытряхнул из бумажника книжицу со спичками. На пол оттуда же тихо спланировали билеты на ипподром. Оторвав картонную запальницу, он чиркнул серником ярко-красного цвета по полоске наждачной бумаги. Серничек рассыпался, не родив и намека на искру. Джоджо тяжело выдохнул, едва не выронив зажатую в зубах сигарету. Спички промокли от пота, пропитавшего ткань его брюк, рубашки и даже шляпы. *Будет жарко*, пообещал дневной клерк, когда Джоджо вышел на смену. Он тогда скептически бросил в ответ: *да ни хрена*. Но парнишка оказался прав – половина восьмого вечера, а жара только начала помаленьку спадать. В перерывах между работами, в той временной прорехе, где огонь плавно переходит в полымя, Джоджо вполне мог бы сгонять во «Дворец» на какой-нибудь фильм, как часто делал в жаркие дни. Сам фильм не имел значения – обычно крутили всякую бабскую лабуду или тупую фантастику про монстров. Он заваливался в кинотеатр лишь для того, чтобы побыть в тени. Пусть там и мультики крутят. За весь этот ужасный год Джоджо насмотрелся всякого, и теперь вполне мог обсуждать новинки кинематографа с девицами, работавшими в «Звездочете», – теми дурами, что мечтали когда-нибудь стать старлетками. Пропускал Джоджо лишь те фильмы, где снималась Айрин Данн. Слишком похожа на Бет, от этого поганее на душе. На «Грошовой серенаде», что вышла в сорок первом, он выдержал первые пятнадцать минут и выбежал из кинотеатра в гневе. Никак не удавалось избавиться от ощущения, что экран насмехается, дразнит и подначивает. И еще в прошлом году одна девчонка из аптеки попросила его сходить вместе с ней на «Парня по имени Джо». Он на нее тогда наорал, больше они никогда не разговаривали.

Черт бы подрал Айрин Данн.

Джоджо наклонился и поднял с грязного ковра билеты на скачки. Визит в Оуклон – сплошь неудача: не особо рискуя, он поставил на Воротилу и Океанский Бриз, но ни одна поганая лошадь не дошла до финиша, и теперь две картонки тупо занимали в бумажнике место. Нет, конечно, он туда поперся не проставиться, а перехватить сэндвич с солониной, и все равно от пары вроде бы «верных» ставок толку как от козла молока! Взбешенный, Джоджо сунул билеты обратно в бумажник – без особой на то причины.

Сдвинув шляпу на затылок, он достал из кармана платок и вытер лоб. Миниатюрный жестяной вентилятор на его захламленном столе перестал работать несколько недель назад, но мистер Гиббс, ночной администратор-скряга, не спешил его чинить, ссылаясь на то, что ночью южное крыло отеля обдувает «хорошенький ветерок», если открыть окно – сразу всё уловишь. Ага, вот оно, окно, открыто – и что? Никакого, мать его, ветерка.

Джоджо вытянул ящик стола, пошарил мозолистыми пальцами по револьверу «смит-вессон», выцветшим счетам, платежным квитанциям и, само собой, корешкам билетов кинотеатра «Дворец» в поисках новой спичечной коробки. Ничего не найдя, задвинул ящик обратно. Хрустальная зажигалка на столе покрылась пылью – горячее в ней давно истратилось.

– Чтоб вас всех громом стукнуло, – проворчал Джоджо.

Повернувшись, он встал, не обращая внимания на громкий скрип коленей и боль в пояснице. Типичные жалобы копов... только он больше не был копом.

Покинув душепагубное пекло кабинета, Джоджо увидел ночного администратора в будке-конторке с кассой. Джейк, закинув свои кривые ноги на сейф, читал побитого вида книжку в мягкой обложке, чьи желтые страницы плясали дюймах в четырех от кончика крючковатого носа.

Джоджо побарабанил по железной сетке конторки пальцами:

– Эй, Джейк, у тебя спички есть?

– На кой мне спички? – огрызнулся тот, не отрывая глаз от книги. – Я не курю, и ты это прекрасно знаешь, Шерлок.

Джоджо вынул сигарету изо рта и сунул ее за ухо.

– Тебе бы очки купить, Джейк, – сказал он, – а то так совсем глаза угробишь.

– Ну да, ну да. Не учи ученого.

Джейк перевернул страницу, и Джоджо хихикнул, направляясь через вестибюль к автомату с сигаретами. Обычно в стоявшей на нем тарелке лежали запасные спички. Обычно, но не сегодня.

Джоджо окинул лениво-сердитым взглядом тесный вестибюль. Ему на глаза попался желтый прямоугольник на стене над сигаретным автоматом – участок светлее остальной части, закопченной дымом сигарет, грязным дыханием постояльцев и выплясывающей тут фанк пылью, налетавшей аж от самого Центрального вокзала. В незапамятные времена на месте светлого квадрата висела дешевая репродукция Томаса Харта Бентона «Неспешный поезд через Арканзас». Картина не украшала интерьер ни во время заселения Джоджо в контору, ни в течение тех многих лет, прежде чем он попал сюда, – аляповатый холст торчал в шкафчике уборщика. Там-то Джоджо и примечал его не раз и не два. Купили эту штуку, чтобы придать убранству благородства – очевидно, затея с треском провалилась. Здешний люд не тянулся познавать новое, особенно современное искусство, ни на что когда-либо виденное не похожее, не жизненное. Во-первых, у машиниста поезда вместо лица был пустой овал. Во-вторых, дым от паровоза, чesавшего по рельсам, сдувало совершенно не туда, куда сдувало бы в реальности – в ту же сторону, в которую ехал состав. Постояльцы бросали на картину косые взгляды и в конце концов закидали управляющего жалобами; вот «Неспешный поезд» и сняли по личному распоряжению мистера Гиббса. Джейк, бессменный администратор, испросил, можно ли прибрать репродукцию домой, раз в здешних стенах она не прижилась. Скрыга Гиббс строго-настрого ему это запретил: картина-де собственность отеля, так что пока лежит в чулане, неважно, сколь долго.

От пустого желтого прямоугольника взгляд Джоджо скользнул по диагонали вниз, к длинному узкому столу, придвинутому вплотную к стене, через вестибюль от кассы. На нем стоял пыльный оранжевый горшок, где ничего не было, кроме комьев земли. Наверное, когда-то там что-то росло, но не в последний год и точно не сейчас. Сейчас это была вульгарная декоративная чаша из глины, на которую, в отличие от картины Тома Харта Бентона, никто не жаловался.

Гнетущее запустение этого места неприятно удивило Джоджо, хоть в нем и не было решительно ничего нового. Пустые стены, пустой горшок, пустой спичечный коробок на сигаретном автомате и даже стойка регистрации пуста, безлюдна, как и всегда. Джейк все свои дела обстрепывал в конторке, оставлял ее разве что в туалет сходить. Изрядная доля номеров над ними тоже пустовала, как и тесная гостиная между лестницей и лифтом, заставленная разномастной раздолбанной мебелью, громоздившейся друг на друге. От парадных дверей до дальней стены за выцветшим зеленым диваном узкое пространство вестибюля было напрочь лишено движения и признаков жизни.

Джоджо нахмурился. Он попытался затянуться сигаретой – в думках позабыв, что спичками так и не обзавелся, – и помрачнел пуще прежнего, поняв, что просто втянул сквозь зубы затхлый воздух вестибюля, тоже будто бы совсем неизменившийся, старый и запустелый, как и все остальное. Поникнув плечами, он издал тихий стон.

Вскоре двери с грохотом распахнулись, и Чарльз, негр-коридорный, с натугой, кое-как, втащил два фанерных чемодана, небрежно обвязанных бечевкой. Вслед за ним вошла парочка, демонстративно игнорировавшая его присутствие, как если бы их пожитки сами по себе волоклись. Мужчине – лет сорок, почти лысый, если не считать нескольких напomaженных и слиш-

ком длинных прядей черных волос, распущенных на потном черепе в нелепой попытке скрыть лысину. Мясистый нос мужика был испещрен алкогольными прожилками, а набрякшие веки казались почти такими же черными, как и волосы. Девушка с ним неопределенных годов: Джоджо решил, что ей немногим больше восемнадцати, да и на то надо дважды посмотреть. Она хихикала и икала, ее каштановые кудри прыгали на плечах, будто свернувшиеся змеюки.

И он, и она в дым пьяны.

Чарльз указал подбородком на конторку. Джейк, недовольно хмыкнув, отложил чтиво в сторону. Парочка, шатаясь, направилась к нему. Чарльз исподлобья взглянул на Джоджо и пожал плечами.

– Спичками не пособишь? – окликнул Джоджо коридорного.

– Не располагаю, – развел тот руками.

Выпятив нижнюю губу, Джоджо вразвалочку прошествовал к парочке у конторки.

– Эй, приятель, – обратился он к мужчине, похлопав по плечу.

Мужчина вздрогнул и обернулся. Темные совиные веки приподнялись – слегка.

– Что?

– Куришь?

Мужчина склонил голову набок.

– Конечно, – выдал он.

– Огоньку дашь?

Улыбка растянулась на красном лице мужчины, и он выдохнул – шумно-зловонно. В руке у него вдруг появился коробок деревянных спичек. Взяв одну, Джоджо наконец прикурил. Кончик сигареты расцвел ярко-оранжевым, когда он втянул дым до отказа в легкие.

– Спасибо, приятель, – выдохнул он, возвращая коробок. – Заселяешься?

Улыбка подкисла.

– Ну да.

– Мистер и миссис Смит, я полагаю?

Джоджо выдохнул кольцо серого дыма и улыбнулся. Мужчина улыбнулся в ответ, а глазки девушки при нем нервно забегали.

– Как ты догадался?

– Я парень догадливый, – козырнул Джоджо. – У тебя свидетельство о браке есть?

– Свидетельство о браке... это еще что?

– Тут тебе, конечно, не люкс, но и не дешевая ночлежка для потрахушек.

Девушка сжала руку мужчины. «Мистер Смит» нахмурился, затем осклабил.

– Гостиничная полиция, надо же, – процедил он.

– Я частный детектив, беру недорого. Так что у тебя со свидетельством о браке?

– Нет у меня никакого свидетельства, сам прекрасно знаешь.

Джоджо многозначительно хмыкнул и снова затянулся.

– Полагаю, вы знакомы с актом Манна, мистер Смит?

– Мне больше двадцати одного, – пропищала девушка.

– Вы пересекали границы штатов по пути сюда?

В другом конце вестибюля Чарльз грохнул чемоданы на пол и прислонился к стене. Джейк потянулся за книгой в мягкой обложке и перелистнул ее туда, где остановился.

– Знаешь, я не обязан это выслушивать, – запротестовал мужчина.

– Конечно, не обязан, – согласился Джоджо. – Мы в свободной стране живем. И я думаю, в этом городе полно других местечек, где не посмотрят на то, что твоей подвеске – дай боженька – шестнадцать наскребется, куда уж двадцать один. Давай шевели батоном, дружище. Заодно проветришь от спиртного башку, и у тебя на нее хоть встанет.

«Мистер Смит» выпростался из хватки спутницы и выпятил грудь. В мгновение ока он из счастливого пьяницы превратился в разгневанного пьяницу. Джоджо кинул сигарету на потрескавшийся кафельный пол и раздавил ее подошвой.

– Ты не имеешь права! – начал лже-Смит, тыча пальцем Джоджо в грудь.

Ему пришлось схватить мужика за запястье, резко развернуть, заломить ему за спину руку. Лже-Смит вскрикнул от боли. Девушка комично закрыла лицо руками и ахнула.

– Мне, приятель, на самом деле плевать, что ты делаешь и где, – с участием в голосе проинформировал Джоджо. – Делай, что хочешь, но не в этом отеле. Вовлечение в аморальную деятельность несовершеннолетних противоречит закону этой страны, мистер Смит. Вина усугубляется, если она не из этого штата. Так что предлагаю тебе свести свою малолетку в одну из тех крысиных нор, что на восточной стороне города, где оплата идет по часам. Уверен на все сто процентов, там вас примут с распростертыми объятиями.

– Генри! – взволнованно пискнула девица.

Генри застонал и подался вперед, пытаясь унять боль в руке.

– Ладно-ладно, я понял. – Он всхлипнул.

Джоджо наклонился и посмотрел типу прямо в глаза. Ни гнева, ни обиды в них не было – одно сожаление по поводу того, что бедовые ноги принесли его на порог отеля «Литчфилд-Вэлли». Он отпустил Генри, и тот быстренько забрал в сторонку, нежно потирая ноющее от захвата запястье. Девица поспешила к нему, и он ворчливо бросил:

– Пошли, Беатрис.

Генри и Беатрис Смит, подумал Джоджо. *Хотя, скорее всего, нет.*

Парочка неуклюже вернулась к Чарльзу. Тот, пытаясь скрыть ухмылку, последовал с их багажом обратно на улицу.

– Одно хорошо – огоньку раздобыл, – протянул Джоджо.

Джейк закрыл книгу, заложив нужную страницу пальцем, и изогнул бровь, глядя на детектива.

– Ну и театр ты устроил.

– То не театр, а моя работа.

Действительно – просто работа. Джоджо не доставляло особого удовольствия гнать взащей таких людей, как Генри и Беатрис. Он даже не осуждал их за мелкие прегрешения. Ирония судьбы не укрывалась от него – человека, нынешним положением обязанного как раз поправлением морали, и не простым адюльтером, а интрижкой с чернокожей бабой. Джоджо думал об этом всякий раз, выпроваживая очередную путану с клиентом или сурово извещая какого-нибудь черномазого, что подкуп ему не поможет. Черт возьми, ведь всем этим мистерам Смитам нужна койка под шлюху, а черномазым – под собственную позорную тушу. Но правила есть правила, и Джоджо платили за их соблюдение. Видит Бог, работа так себе, но ему повезло получить хотя бы такую – никто в городе не хотел принять на себя большой социальный риск, наняв такого изгоя, как Джордж Уокер. Гиббс был ослом, спорить не о чем, но лишь он не отмахнулся от Джоджо, только причмокнул фистулами своих дряблых губ и кивнул: мол, приступай к делам, ты принят.

У него было много причин отказать и ни одной – юридически обязывающей, ведь судья постановил отсутствие прямых доказательств сожительства Джоджо и Сары. Хотя и косвенных улик хватило на развод, утрату хорошего места в полиции и почти полного краха привычной, облюбованной жизни. Но Джоджо Уокер прослыл суровым сукиным сыном – пока Гиббс подписывал чеки и покуда крыша его тесного углового кабинета не протекала, он выживал и ни на что особо не жаловался. Просто делал свою работу, авторитеты не подвергал сомнению, спал всегда один – на маленькой койке за своим столом. Конечно, дамы здесь хаживали – в конце концов, отель, а не монастырь, – но Джоджо избегал их как огня, независимо от обстоятельств. Проблемами, исходящими от женщин, он был сыт по горло, и плевать на цвет кожи.

Чарльз материализовался рядом с Джоджо, неслышимый как призрак, и произнес:

– Может, они были-таки женаты, мистер Уокер.

Джоджо снял шляпу и вытер лоб. Проклятый пот, как лето – всегда им заливался. Даже после захода солнца.

– Может, и так, Чарльз. Но я что-то усомнился. Девушка – совсем еще ссыкуха. Так или не так, я должен защищать интересы отеля, правда?

– Святая правда, мистер Уокер.

Он нахлобучил шляпу обратно на голову.

– Джоджо, Чарльз, просто Джоджо. Все меня так зовут.

На автомате он сунул в рот еще одну сигарету и чертыхнулся, вспомнив, что спичек нет.

– Говным-говно, – пробормотал он себе под нос. Затем, повысив голос, обратился к Джейку: – Я в «Звездочет» пойду. Позвони туда, если понадобится.

– Ты ж на смене.

– Тут ничего серьезного не происходит, а если и произойдет, я всего в двух кварталах отсюда.

– Ладно, беги скорее. Только смотри на глаза Гиббсу не попадись.

Джоджо в ответ поднял большой палец и, перекатывая во рту сигарету, шагнул за дверь, которую Чарльз услужливо придержал.

– Будьте осторожны, мистер... Джоджо, – напутствовал коридорный.

Он усмехнулся.

– Скоро вернусь, дружище.

Закусочная «Звездочет» находилась на углу Денсон-стрит и Мейн-стрит, ее западная сторона выходила на кинотеатр «Дворец» через дорогу, а южная – на бензоколонку Уэйда Макмэхона. Джоджо ввалился внутрь, тяжело лоя ртом воздух, плащ висел на нем таким мокрым полотенцем. Блондинка-барменша улыбнулась ему, являя глубокие морщины на своем и без того употребленного вида лице.

– Кофейку, Джоджо?

– Да, Нетти, – прохрипел он. – Но сначала мне бы в сортир.

Он направился к задней двери, а Нетти налила в кружку водянистый бурый кофе.

Заперев дверь, Джоджо открутил до упора кран и долго, почти целую вечность, окатывал лицо и руки ледяной водой. Покончив с самоохлаждением, он уставился на свое отражение в грязном растрескавшемся зеркале. Лицо – совершенно обычное, если бы не сетка мелких побелевших шрамов, превращавших его в подобие шахматной доски. Глаза карие, волосы черные, липкими влажными прядями свисают на лоб. В любом другом городе такой видок привлекал бы быстрые вороватые взгляды изумленных обывателей, которые тотчас отворачивались бы, поняв, что их любопытство замечено. Но тут, в Литчфилде, его мордаха все знали, поэтому пялились подолгу и не таясь, обычно с презрением.

Вообще удивительно, что его пускали в «Звездочет» при всех отягчающих обстоятельствах. Когда-то, в незапамятные времена, Бет работала здесь официанткой. Кое-кто, включая Нетти Увертюр, уже тогда терся неподалеку – шумиха и скандал были у всех на виду. Женат на такой хорошенькой девчонке, этот паршивый коп, а сам тайком присовывает самкам ниггеров.

– На самом деле всего одной, – напомнил он своему отражению вслух.

Снова открутив кран, плеснул еще воды на свое изуродованное лицо. Вода пахла ржавой медью, но хотя бы спасала от льнувшего к коже уличного пекла. Насухо обтершись галстуком, Джоджо вернулся к своему столику. Он всегда садился за один и тот же – у окна, выходящего на запад.

Кофе, как и было обещано, ждал его. Он пригубил из кружки, свободной рукой выковыривая сигарету из пачки. В стеклянной пепельнице на столе обнаружилась полная коробочка спичек. Джоджо улыбнулся находке: а жизнь налаживается.

Закурив, он тайком достал из внутреннего кармана плаща малую стальную фляжку и капнул немножко янтарной жидкости в кофе. Нетти заметила и подошла к его столику. Ее жилистые кулаки по-хозяйски уперлись в широкие бедра.

– Ой, Джоджо, не вздумай проносить сюда эту дрянь. Лицензии на нее у нас нет.

– Ничего не поделаешь, я сам наполовину ирландец, – отшутился он. – Кроме того, в эту ночь я лицензиями сыт по горло.

– И какими же? На ношение оружия или собаководство? Или ты о бумажках на брак?

– С собаками и пушками ход в «Литчфилд-Вэлли» закрыт, Нетти.

На это Нетти ответила знающей ухмылкой. Ей-то чертовски хорошо было известно, что он носит с собой, а еще она знала полпричины, по которой его прозвали Джоджо. Но его оружие было единственным разрешенным в отеле, а он сам – единственной тамошней собакой.

Сделав большой глоток, Джоджо удовлетворенно вздохнул. Бурбон в кофе приятно опалил горло, медовыми каплями стек в желудок. Нетти скривила губы и покачала головой.

– Не тревожься о том, что тебя не касается, – посоветовал он ей.

– Разве ты не должен сейчас работать?

– Так я работаю.

– Ну-ну, я вижу. Хочешь отбивную или что-нибудь еще?

– Просто принеси еще кофе, Нетти. Заранее благодарю.

Она пожала плечами и прошествовала назад к стойке, где старик в форме водителя автобуса, забыв о своей яичнице с рублеными овощами, сидел окостенело, таращась на Джоджо. В ответ тот поднял брови и выпустил в разделявший его со старцем воздух прядь звеньев из серо-голубого дыма. Нахмурившись, мужчина перевел взгляд на тарелку.

Джоджо облегченно вздохнул про себя. Не стал прифакиваться, старая калоша. Если бы начал – одному черту ведомо, чем бы все кончилось.

Нетти принесла вторую кружку. Он вытащил из пачки еще одну сигарету и закурил от ее предшественницы. Его усталые глаза скользнули по улице за окном, затемненной и пустынной, и повстречали компанию из шести или семи человек, слонявшуюся аккуратно перед кинотеатром. Тут Джоджо оживился.

Его взгляд метнулся к часам на грязной кафельной стене. Без четверти двенадцать – слишком поздно для показа фильма; где угодно, но не в этом маленьком городке. Хотя видно же, чем занимаются: убирают навесные буквы с фасада театра, слагающие РОЗИ О'ГРЕЙДИ и КОНИ-АЙЛЕНД: со стремянкой, по букве зараз; но почему в такой час? А вон кто-то из них вытаскивает двустороннюю доску с афишами из черного седана, втихую припаркованного у обочины. Вытащил, развернул – осторожно поставил на тротуар. Что-то на ней написано, но с места, где сидел Джоджо, было ни слова не разобрать.

Но оно, если подумать, нестрашно: достаточно просто следить за парнем на стремянке, который переставлял на фасаде буквы. Джоджо отмечал его работу, ощущая себя игроком в «виселицу». Слова вырисовывались буква за буквой, плитка за плиткой. Когда тип на стремянке наконец закончил и спустился на землю, Джоджо сощурился на плод его трудов.

*зазывала дэвис представляет
преждевременное материнство!
только на этой неделе! только для взрослых!*

– Эй, Нетти, – окликнул он, не сводя глаз с творившегося на другой стороне улицы.

– Что, дорогуша? – Она встала из-за стойки и подошла ближе.

Джоджо ткнул большим пальцем за окно.

– Это что за шутники, не знаешь?

– Сегодня среда, дорогуша. Вывески кинотеатра всегда обновляют по средам.

– В полночь?

Нетти поджала губы, задумалась.

– Нет, – наконец сказала она, – не думаю.

– По этим надписям не похоже, что фильм известный.

– Ну, прошлая неделя вся была звездная, – сказав это, Нетти взяла кофейник в руки и направилась к другому столу, где сидела усталая женщина, склонившись над пустой чашкой. Джоджо потушил сигарету в пепельнице и продолжил бдение, наблюдая за людьми перед кинотеатром. Интересно, кто из них Зазывала Дэвис? Определить было невозможно. С этого расстояния, сквозь грязное окно и мрак, на Денсон-стрит все выглядели более-менее одинаково. Все, кроме одного человека в белом халате.

Врач?

Странные дела.

– Ты в последнее время часто ходишь в кино?

Нетти застала его врасплох, подкравшись без шума, совсем как Чарльз недавно. Он вздрогнул, проклиная себя за то, что стал таким нервным и нерадивым.

– Да я бы не сказал. Все утренние сеансы просыпаю.

То была правда, хоть и лишь наполовину. Обычно Джоджо спал днем, так как работал ночью, но, даже когда позволяли время и финансы, он почти никогда не заходил в кинотеатр «Дворец». Виной всему, конечно, Айрин Данн. И – в опосредованном порядке – Бет. Но вся правда в том, что больше всех виноват Джоджо собственной персоной. Экранные образы лишь раздували сей неприглядный факт в его и без того охваченном чувством вины уме. Бет оказалась не самой плохой женой, хотя Джоджо не с чем было сравнивать. Она никогда особо не суежилась и вообще шикарная малышка, – да что там, чертовски привлекательная женщина, о большем копу и просить нечего. В самом деле она идеально подходила ему. Стоило Бет вступить в игру – все вставало на свои места: вот еще одна причина, по которой он делал все, что в его силах, чтобы навсегда забыть о ней. Но разве проклятый «Дворец» ему в этом поможет?

– Плохи дела, – продолжала щебетать Нетти, рассеивая его задумчивость. – Один их фильм на прошлой неделе крутили. Назывался «Разбойник». Ты бы видел! Но женушка Рассела Кевинью подняла жуткий шум: сказала, мол, кино безнравственное. Ты же знаешь, Джейн Рассел там почти засветила свои сис...

Телефон на стене, у витрины с выпечкой, зазвонил, заткнув ее, к великому облегчению Джоджо. Нетти закатила глаза и пошла отвечать, пока он закуривал очередную сигарету. Пачка на исходе – надо испросить у Нетти новую до возвращения в отель.

Вскоре она вернулась, смущенно гримасничая.

– Принесешь мне «Олд Голд» на дорожку, крошка?

– Джейк звонил, Джоджо. Говорит, тебе лучше вернуться.

– Боже. – Он схватил шляпу и набросил на голову, вставая из-за стола.

Нетти быстро отскочила и у самых дверей сунула ему в руку запрошенную пачку сигарет.

– Заплатишь позже, – напутствовала она. – Беги давай.

И Джоджо побежал.

Женщина, сидевшая скрестив ноги, в потертом кресле вестибюля, внимательно рассматривала свои ногти, а в остальном выглядела скучающей. Джейку было совсем не скучно: он восхищался ее длинными ногами и преступно глубоким декольте. Если женщина и заметила его волчий взгляд, то виду не подала. Она просто продолжала смотреть на свои ногти и время от времени вздыхала.

Она пришла с группой из шести человек (все остальные – мужчины, извиняющимся тоном спрашивавшие, может ли отель выделить три или четыре номера в этот ужасно поздний час). Джейк почувствовал себя раздраженным, откинулся на спинку стула, как будто был хозяином этого места, и сказал, что он-де ничего не знает, час ужасно поздний, да и надолго ли гости планируют въехать? Потом вошла дама – всплыла, скорее, – прямо в каморку кассира, прямиком к потертому креслу, будто она сидела в нем всю жизнь. Занеся правую ногу над левой – так паук заносит лапу над пойманной мухой, – она покачала ею немного и опустила-таки на коленку. Она никому не сказала ни слова, но Джейк готов об заклад биться, что и она была из припозднившейся толпы.

Это существенно изменило ситуацию.

– Два бакса... эм, доллара за ночь, сэры, – пробормотал он. – Три с половиной, если в комнату заселятся двое. Он подумал о женщине – будет ли она спать с кем-нибудь из этих мужчин? Джоджо бы все разнюхал. Его глаза расширились, и он, извинившись, отошел – звякнуть куда надо.

Джейк поговорил с какой-то официанткой, дико растягивающей слова, и, казалось, только-только положил трубку на рычаг – а в вестибюль уже ввалился Джоджо, уставший и потный. Джейк указал на группу мужчин в центре вестибюля и впервые заметил, что один из них был на вид точь-в-точь костоправ – белый халат, козлиная бородка и все такое прочее. На лице Джоджо отразились шок и что-то вроде легкого смятения. Он медленно подошел к кассе и наклонился поближе.

– Я только что видел этих клоунов во «Дворце».

– А я думал, ты в «Звездочете» сживаешь.

– Кинотеатр – прямо через дорогу, гений. Слушай, они что-нибудь говорили о том, чем занимаются? Какого хрена им нужно в городе?

– А я знаю? Пока просто просили сдать им номера. Их было четверо. Вон тот, что на жердь смахивает, – в твидовом пиджаке, – он за всех говорил. А девчонка у них какая! Девчонку, девчонку-то видел? – Джейк карикатурно облизнулся.

– Так, это – отставить, – резко бросил Джоджо. – Пусть твидовый распишется в книге регистрации. И проследи, чтобы было указано, откуда они пожаловали. Надеюсь, справишься с такой задачей, дружище?

Джейк нахмурился, но кивнул.

Джоджо неторопливо подошел к группе гостей и оглядел их лица, одежду, чемоданы у ног. Чарльз тревожно топтался поблизости, не зная, как к ним подступить. Джоджо предположил, что они принесли багаж сами – обидели старика негра. Легчайший способ отвертеться от чаевых. *Пунктик номер раз*, отметил про себя Джоджо.

Он изобразил свою лучшую фальшивую улыбку и проскользнул в круг, установив прямой зрительный контакт с человеком в твидовом пиджаке.

– Добро пожаловать в отель «Литчфилд-Вэлли»!

Мужчина нахмурился и глубоко вздохнул.

– Литчфилд-то я вижу, – сказал он наконец, – но где у вас вэлли²?

– А нет, – сказал начистоту Джоджо. – Раньше он назывался «Литчфилд-Пальмс». Но пальм тоже, верите ли, не было.

Мужчина на мгновение замер. Как и все остальные, кроме женщины в кресле. Она откинулась на спинку и кончиками пальцев потеряла виски, описывая крошечные круги.

– Понятно, – наконец ответил он. – Вы управляющий? Когда будут готовы наши комнаты?

– Я не управляющий, увольте, но ваши комнаты будут готовы, как только заплатите парнишке за стойкой и распишетесь в гроссбухе. – Джоджо сунул сигарету в рот и руку в карман,

² Valley (англ.) – долина. – Здесь и далее примечания переводчика.

ища спички. Кажется, забыл на столе в забегаловке. Плохо дело. – Но вот что я хотел спросить, пока вы не взялись за формальности: вы прибыли с показом в «Дворец», да?

Тип, смахивающий на эскулапа, переводил взгляд с Джоджо на мужика в твидовом костюме. Тот краешком губ улыбнулся и будто привстал на цыпочки.

– Истинно так. У нас – что-то вроде передвижного шоу. Ездим из города в город.

– Понятное дело, – ответил Джоджо. – Помню, «Рождение нации» еще ребенком в таком балагане смотрел. А что у вас за картина для Литчфилда?

– Что-то у вас говор пошел как у законника, – заметил мужчина. – Надеюсь, никаких проблем?

– Проблем нет. Во всяком случае, насколько я могу судить. Просто я – большой фанат киношек, вот и все. Подумал, и на вашу схожу, коль довелось вам в наш крысий уголок нагреться.

– А, вот как, – натянуто произнес твидовый. Его улыбка стала шире, он бросил на «эскулапа» красноречивый взгляд. – Вообще, это гигиеническая картина. Ежели угодно – образовательная.

– Вот как?

– Истинно так. Видите ли, мы путешествуем по городам страны и распространяем... своего рода Евангелие. Наш босс хочет, чтобы молодые люди больше узнали о жизни – так они чище будут.

– Чище, вот как. Чистоту я и сам люблю. – Джоджо беспокойно вертел в пальцах незажженную сигарету и почесывал щеку. – Ладно, ну тогда – регистрируйтесь. А то час поздноватый для расспросов...

– Ваша правда, детектив.

– Зовите меня просто Джоджо, – одернул он мужчину. – И прежде чем вы пойдете по делам, я вам еще два вопроса задам.

Твидовый настороженно поднял брови, выжидая.

– Этот ваш «босс», его Зазывала Дэвис звать?

На мгновение из вестибюля будто высосали весь воздух. Мужчины обменялись тревожными взглядами. Даже дама в кресле подняла голову. Джоджо, ничем не выдавая свои мысли по этому поводу, терпеливо ждал ответа.

– Ну да, так и есть, – ответил мужчина. – Вы слышали о нем?

– Прочел имя на вывеске «Дворца», только и всего. Оно на видном месте.

– Ах да, конечно, – произнес мужчина со странной дрожью в голосе. – Я не знал, что ее уже повесили.

– Преждевременное материнство, значит? – Джоджо хмыкнул. – С восклицательным знаком.

– Как я уже сказал, Джоджо, это гигиеническая картина.

– Да, точно так вы и сказали. Что ж, предупрежу вас честно: у Литчфилда полиции нравов нет, но, если в вашем фильме отыщется хоть что-то отдаленно предосудительное, ждите визита преподобного Шеннона в ближайшее время.

– Местный священник, надо полагать?

– А вы догадливый.

– Ничего такого, с чем бы люди не сталкивались раньше, уверяю вас. Жутко много развелось ханжей, чьи взгляды застряли в темных веках. Они бы предпочли, чтобы их дети усваивали суровые уроки жизни тяжелым путем. Мы здесь для того, чтобы облегчить это бремя.

– Знаете, несколько лет назад в Сент-Луисе я видел одну просветительскую киношку – всё про белых работаровцев да про джаз. Так вот, люди, показывавшие ее, прикрывались общественным благом, но будь я проклят, если весь тот показ не был голимым неумелым наду-

вательством. У нас городок спокойный – населения здесь всего одна тысяча двести восемьдесят душ, но, думаю, кинотеатр пустовать не будет.

– Мы за чистоту, мистер Джоджо, – ответил мужчина с маской безразличия.

– Ну пускай так, – Джоджо кивнул. – Ступайте и зарегистрируйтесь. Уверен, мы еще свидимся.

Вяло отсалютовав из-под полей шляпы, он развернулся на каблуках и направился к себе в кабинет.

– Мистер Джоджо? – окликнули его.

Он остановился и обернулся.

– Вы говорили, у вас к нам два вопроса. Где же второй?

– Чуть не забыл. – Джоджо с улыбкой поднес к губам сигарету, всю измятую за время пребывания в его беспокойных пальцах. – У кого-нибудь из вас есть спички?

Мужчина беспомощно развел руками:

– Боюсь, что нет. Никто из нас не курит.

Джоджо недовольно цыкнул зубом, протопал к двери и заперся у себя.

Глава 2

Теодора слышала, как тихо закрылась входная дверь и повернулась щеколда, и села в постели. Она еще не заснула, несмотря на поздний час. Теодора никогда не спала, если Раса не было дома.

Внизу ее муж возился в темноте. Что-то опрокинул, тихо выругался. Теодора откинулась на спинку кровати и сплела пальцы. Ее интересовало, пил ли Рас, хотя она понимала, как мало это значило в общей картине. Она была почти уверена, что он провел время с Ланой, продавщицей сигарет в театре.

Ей не в чем было упрекнуть мужа. Не имелось никаких веских или существенных доказательств, подтверждающих беспокойство, но беспокоиться, пожалуй, все же стоило, учитывая увеличивающуюся дистанцию между ними последние несколько месяцев. Рас все дольше оставался во «Дворце» после завершения последнего сеанса – слишком долго, чтобы объяснять задержку подсчетом квитанций и приведением театра в порядок на следующий рабочий день. В городах, намного больших, чем Литчфилд, по выходным регулярно устраивали полуночные представления, но «Дворцу» никогда не удавалось завлечь местный люд на поздние сеансы. Последняя катушка всегда ложилась на полку до полуночи. Торчать в кинотеатре до трех ночи не было никакого смысла, если только...

Рас не собирался подниматься, поэтому Теодора вылезла из постели и накинула на плечи халат. От резкой перемены положения ее бросило в жар, в висках застучала кровь. Выйдя в холл, она тихо спустилась по ступенькам. На полпути до нее донесся голос мужа из кухни:

– ...Кто, Джим Шеннон? Конечно, я его знаю, но кто вам это сказал? О господи, он может сколько угодно поднимать шумиху... он же не может пойти с этим в суд? Но опять же, не так давно у меня был фильм с Джейн Рассел, и я все ждал, как он нагрянет – а вот поди ж ты, только моя старуха по этому поводу развонялась...

Застыв на ступеньке, Теодора поджала губы и нахмурилась. Она думала, этот разговор давно закончен. Все, что она хотела донести, – что картина, возможно, выставит театр в плохом свете. Литчфилд – маленький городок с простыми городскими ценностями. «Вдруг люди не захотят ходить туда, где крутят подобную дрянь?» – предостерегла она его. До Даксема всего час езды, и, чтобы выказать протест, горожане вполне могли начать кататься в тамошний кинотеатр. Теодора думала о людях, о себе, о Расе, в целом – об их положении и репутации в городе, и, уж конечно, о состоянии их и без того шаткого финансового благополучия. Впрочем, излишней суеты она себе не позволяла и точно не судила мужа по внешним проявлениям. Рас был волен делать все, что взбредет в голову, – в конце концов, кто носит брюки, тот и прав.

Она прокралась на лестничную площадку и остановилась там, прислушиваясь.

– Ты когда-нибудь видел ту киношку с Гретой Гарбо, «Двуликую женщину»? Там же ничего такого в помине нет, но Шеннон переполошился. Говорил, в ней «прославляют неверность», «не чтут законы Божьи», и все в таком духе. Так вот, дело было годика два назад, и я тогда недвусмысленно этому козлу намекнул, что в следующий раз, когда ему вздумается мне нервы крутить, я сидеть сложа руки не стану, накручу в ответ... ага, да, мистер Уинстон. Нет, мистер Уинстон, я не думаю, что кто-то должен показать ему, где раки зимуют, прежде чем он что-нибудь сделает. Я просто так говорю... конечно-конечно. Нет-нет, никакое осиное гнездо я ворошить не собираюсь, у меня дела идут хорошо... но все-таки «Дворец» уж не тот, что прежде...

Дальше Рас общался лишь посредством неопределенного мычания и хмыканья, и Теодора восприняла это как сигнал бесшумно войти в кухню, сделав вид, будто ничего не слышала. Муж бросил на нее перепуганный взгляд и отвернулся к раковине, приговаривая «угу», «конечно», «да-да, мистер Уинстон» и периодически кивая.

Набрав из-под крана воды, Теодора уселась за кухонный стол и стала лениво тянуть из стакана горьковатую от ржавчины прохладу. Так продолжалось до тех пор, пока муж не закончил разговор. Бросив трубку на рычаг, он тяжело выдохнул.

– С тобой все хорошо? – спросила она как можно более веселым голосом.

– Да, просто день долгий, вот и все.

– Хочешь, сделаю тебе поесть? Яичницу-болтуню, может?

– Нет-нет. Никаких яиц. – Он ослабил галстук и расстегнул воротничок, всхрипнув, словно тот душил его до смерти.

– А знаешь, мне очень понравилась та картина с Гарбо, – сказала Теодора. И почти сразу пожалела об этом. Лицо Раса налилось краской, плечи мелко затряслись.

– Может, перестанешь совать нос не в свои дела? – залаял он. – Я каждый день по пятнадцать часов пашу – пятнадцать клятых часов, Теодора! – И все ради чего? Чтобы к любопытной женушке возвращаться, которой вынь да положи что-нибудь подслушать? Ну где тут справедливость!

– Прости, не хотела показаться назойливой...

– Вот и не показывайся, бога ради. Мне по делам звонили, слышала? Это все меня и только меня касается, а не тебя.

– Милый, я просто интересуюсь!

– Интересуешься, ага. – Он усмехнулся и потащился в гостиную. – Ну да, ну да. Ты – просто интересуешься. Ха.

Он включил лампу и открыл шкафчик с напитками у книжных полок, из которого достал бутылку виски и хрустальный бокал. Теодора мышью юркнула за мужем, пока тот наливал на три пальца, осушал налитое одним глотком, затем подмахивал еще на три. Она встала за диваном и стиснула руки в кулаки, глядя, как он напивается.

– Кто такой мистер Уинстон?

Ральф хрипло кашлянул, выпитое взбурлило у него в глотке.

– Прокатчик, – сказал кое-как он. – К нам новую киношку привезли.

– И что это за киношка?

– Боже, Теодора...

– Я просто спрашиваю.

– Если хочешь знать, это фильм про сексуальную гигиену. Та дрянь, которую нам втюхивают как социально значимую и которая на деле – чистой воды эксплуатационное кино.

– Ох...

– Перед каждым показом выступает паря в костюме доктора. Торгует какими-то книжками. Потом идет сеанс – фильм про девицу, которую солдафон обрюхатил по пути на войну, со всеми вытекающими. Сказал, мол, вернется домой, на ней женится, а потом ей приходит письмо, где прописано, что его убили, ну а девчонка уже, считай, на сносях. – Рас поставил бутылочное горлышко на краешек стакана, плеснул еще на два пальца. – Ну а последняя катушка – настоящая громадина.

– Даже так? – Теодора немного расслабилась. Теперь, когда вроде поумерил пыл и муж. Он напивался на скорую руку, но хотя бы говорил с ней. – И что на ней?

– Живорождение, – бросил Рас с некоторым отвращением. – Я ее не видел и, Богу ведомо, не хочу, но вот что на ней. В самом конце. Самые натуральные роды – все видно так же хорошо, как твой нос.

Теодора покраснела и выпучила глаза.

– Но, Рассел...

– Да знаю я, знаю. Джим Шеннон обо всем пронюхает и со всей своей христианской ратью явится по мою душу. Но Уинстона это все не волнует, смекаешь? Он говорит, почти в каждом городе такая буча поднимается. А билеты знай себе продаются. В основном – молодежь ходит,

ведь во вшивых городишках вроде нашего им ни о чем таком прямо не говорят... хочется увидеть все своими глазами. Что ж, не думаю, что от любопытства много вреда.

– Но там же показана...

– Показана кто, Теодора?

– Бог мой, Рас, неужто они показывают, ну, ты понимаешь, *это*?

– И как мне догадаться, к чему ты клонишь? Ты про лохмань, что ли? Бога ради, да она ведь и у тебя самой есть. Чего бы прямо не сказать?

Рас издал фыркающий смешок и опрокинул все, что осталось в стакане, себе в горло. Теодора стояла смущенная – и за себя, и за него. Обычно Рас так не разговаривал, будучи даже пьяным, как сейчас. Он мог быть грубоват, она знала: ей приходилось слышать много грубой мужичьей болтовни, когда муж перекидывался в карты с парнями из сторожки, но при ней он сдерживался.

Во всяком случае, после их ужасной, неловкой брачной ночи.

Хот-Спрингс, штат Арканзас, был тем самым местом, где брачные ночи справляют в маленьком захудалом отеле на Ист-Гранд с видом на горы Уачита и теплой бутылкой дешевого шампанского, покоящейся в помятом металлическом ведре без льда. Они слышали, как дети всю ночь топали взад и вперед по коридору, и даже в предрассветные часы – «оставленные без присмотра маленькие засранцы», как их называл Рас, – но тогда Теодоре было на них плевать, ведь ее не переставали душить рыдания.

– Все путём, – бросил Рас с долей снисхождения. – Не надо так кричать, бога ради, я же тебя не выпотрошил. – Он не понимал, к чему раздувать из мухи слона, а она всё никак не могла взять в толк, зачем ее новоиспеченный муж вообще захотел сунуть свой жуткий крендель ей в зад. Так или иначе, тот случай не обсуждался.

У них не было детей, у нее и Раса, и между ними не было ни близости, ни тайн, ни любви. Время от времени, может дважды в год, Теодоре приходило в голову взять в рот член мужа, хотя она была почти уверена, что такое действие тоже входит в число содомских грехов. Пастор Шеннон никогда не говорил об этом подробно, но как бы смог? О таком не говорят, особенно под сводами чертога Божьего. Она просто знала или подозревала как минимум, что вытворяет что-то непотребное и неправильное, но, по ее разумению, лучше было гореть в аду, чем ни разу за всю жизнь не услышать мужниного доброго слова. И плевать, что всякий раз он закрывал глаза и запрокидывал голову, явно не желая смотреть, кто там, внизу, она делает свое грязное и позорное дельце.

И как же у нее будут гореть уши при всякой встрече с добрым преподобным отцом Джеймсом Шенноном! В глубине души она была уверена – отче способен прочесть грех по ее стыдливо опущенным глазам.

Все-таки забавная штука жизнь. Закладывает такие виражи, о каких и помыслить не смеешь. И не должен сметь. В сем мире отцы мастерят своим дочкам кукольные домики, а матери на их примере обучают тому, как должно вести быт, чтобы все было чин чинном.

Мысль позабавила Теодору, и она хихикнула.

– Что ты ржешь как лошадь, черт тебя дерит?

– Просто так, – ответила она.

– Боже, женщина, у меня из-за тебя когда-нибудь крыша поедет.

– Знаю, – прошептала она. – Прости.

– Горбатишься тут ради тебя на работе... – брюзгливо протянул Рас. То хорошо знакомая им обоим прелюдия, все прочие словеса были излишни.

Рас закрутил пробку на горлышке бутылки и поставил ту обратно в шкафчик. Десять лет прошло с тех пор, как Рузвельт отменил сухой закон, до той поры самогон держали в подвале. В тот день, когда двадцать первая поправка сожрала восемнадцатую, Рас ящик за ящиком перетаскал пойло из сырого подвала в шкафчик в передней комнате. Тарелки, что доста-

лись им от матери Теодоры, были небрежно сброшены с полок – им на смену пришла целая батарея бутылок: виски простой, виски солодовый, джин и остальная чёртова водица, которую муж припрятывал с тысяча девятьсот двадцатого года. Теодора не могла сказать, где сейчас находится фарфор. Она полагала, это не так и важно.

– Я еще кой-какие бумаги заполню, – проворчал Рас, вытирая нутро стакана рукавом рубашки. – А ты иди в спальню.

Теодора нахмурилась и на мгновение задержалась, бездумно теребя бахрому своего халата. Рас осторожно поставил стакан на место в шкафчике и медленно повернул голову, чтобы бросить на нее мрачный, поразительно трезвый взгляд.

– Ну же, Теодора, – сказал он.

Слабая, дрожащая улыбка тронула уголки ее рта, и она шумно сглотнула, прежде чем повернуться и зашагать прямо к лестнице. Она поднялась и ощутила, как тонкая ткань халата влажно льнет к ее разгоряченной коже. Наверх, в одинокую спальню, к боли, которая заставляла ее глаза щипать всякий раз, когда она их закрывала.

Ну, а теперь, Тео...

– Да, Рассел, – сказала она вслух, ныряя обратно под горячую влажную простыню.

Рас веером раскинул рекламные материалы на кухонном столе. Там был и пресс-альбом, и глянцевые кадры, и полдюжины рекламных листовок – миниатюрные копии того единственного плаката, что висел сейчас перед «Дворцом».

Первый Международный Тур!

Ошеломляюще! Современно!

2 часа раскаленной добела Правды!

Слова «раскаленной добела» были написаны так, что казалось, полыхают реальным огнем. Ну а актерский состав? Кто такой Джим С. Доусон? Явно не Рэндольф Скотт³.

Взяв пресс-альбом, Рас рассеянно пролистал его.

– Ребячество, – вынес он вердикт.

СЕКРЕТЫ СЧАСТЛИВОГО И ЗДОРОВОГО ВЗРОСЛЕНИЯ, буквально орал на него заголовок на пятой странице, а на шестой был представлен достопочтимый доктор Эллиот Фримен (*На сцене! Лично! Знаменитый Специалист по Гигиене!*), но без фотоснимка – от городка к городку в халат доброго доктора рядились разные люди. В «Дворце» честь сыграть эту роль (толкать заученную речь, наверняка написанную лично Зазывалой Дэвисом) выпала уроженцу Маунтин-Хоум Питеру Чеппелу. Так дела и пойдут: сначала толкнут речь, потом «Настольную Книгу Доктора Фримена», кося, по мнению Раса, цена была два медяка в базарный день. Таков контракт. Вряд ли фильм сорвет кассу, но время нынче трудное для всех. Рас мог надеяться лишь на половину суммы от той, что обычно приносят мелодрамы, поскольку мужская часть аудитории ушла на другой край света, убивать немчуру да япошек да ловить маслины в ответ. И дамочки приходят не так часто, как раньше: скудные деньжата, заработанные за прилавками и секретарскими столами, первым делом шли на покупку снеди и погашение счетов за свет. «Дворцу» был нужен по-настоящему новый рекламный ход, чтобы заставить хоть кого-то сесть в зал. Вероятно, слегка *рисковый* рекламный ход.

«Вне закона» кассу не сорвал, несмотря на абсолютно незаконное декольте Джейн Рассел. И тут появился громкий коротышка с добротнo подвешенным языком, родом из Уилмингтона, штат Огайо, с напoмаженными волосами, разделенными прямым пробором, и при элегантнoй бабочке – достаточно большой, чтобы касаться подбородка.

³ Рэндольф Скотт (1898–1987) – популярный американский актёр разных амплуа, играл в военных фильмах, драмах, кинофантастике и пр.

– Уболтай их, Кевинью, – кричал и кричал он на Раса. Один этот безумный грай Рас и слышал после того, как узнал фамилию того крикливого парня – Дэвис по прозвищу Зазывала.

Пижон прибыл из Маунтин-Хоум в сверкающем черном «купе» со стопкой пресс-альбомов и картиной к показу. Он мотался из города в город: «передвижное шоу» – так он величал эти разъезды.

– Может, люди в Литчфилде и не видят выгоды в том, чтобы свои кровно поднятые пенни тратить на всякие мелодрамы или оскомину набившие приключения в джунглях, – сказал он. – Но я могу дать им что-то такое, чего они никогда не видели, и вы, черт побери, должны мне помочь, Кевинью. Продайте им билеты так, чтоб отказаться никто не смог. Действуйте жестко, Кевинью, и у вас потом мошонка подожмется, как только на выручку глянете – пардоньте за мою латынь.

Рас Кевинью поначалу сомневался: кричащие заголовки пресс-альбомов ему были не очень по душе, хотя он даже внутрь не заглядывал. И куда больше его смутило то, как шумный маленький незнакомец все преподносил: с таким гонором и напором, будто сделка заключена и чернила высохли. Какой-то проходимец, а ни капли не стесняется указывать ему, Расу, как бизнес вести, словно он здесь владелец. Потом, конечно, все бумаги были подписаны, и чернила взаправду высохли. Все охи и вздохи Теодоры по поводу того, насколько безнравственный сюжет у киношки Дэвиса, до него, Раса, не дойдут. Великий Боже, циркулярная пила, а не женщина! *Что-то я сомневаюсь, Рассел. Как-то это все неправильно, Рассел. Преподобному Шеннону это не понравится, Рассел.* Вот ведь церковная подкаблучница. На условия Дэвиса Рас был согласен хотя бы ради того, чтобы проучить несносную кошелку.

И дело пошло-поехало. Недельный ограниченный показ, три сеанса в день в самом большом зале «Дворца»: женщины и девушки из средней школы – в два часа, мужчины и юноши – в семь, и не особо оправданный десегрегированный девятичасовой сеанс для тех, у кого за вход наскребется полдоллара (это в сравнении с тридцатью пятью центами еще в прошлом марте). Завтра, в два часа, – премьерный показ.

Смело! Шокирующе!

Жизненно Важно!

Взгляните Правде в Глаза!

ЭТОТ ФИЛЬМ ВЫ НЕ ЗАБУДЕТЕ!

Посередине листовки, словно слишком тугой ремень, красовался вопрос:

НЕУЖТО ТАК ПОРОЧНА НЫНЕШНЯЯ МОЛОДЕЖЬ?

– Кому какое дело? – вслух спросил Рас. – Раз платят – пусть живут.

Тут ему вспомнилась Нэнси Кэмпбелл, маленькая блондиночка с привлекательными ямочками на пухлых щеках, чьи старики прогнали ее из дому прошлой зимой, когда ее дотоле плоский живот подозрительно вздулся. Насколько Рас знал, никто не задавался, по крайней мере вслух, вопросом о степени порочности Нэнси. Никто о ней вообще словом не обмолвился – Нэнси стала забытым призраком страшной распущенности, присущей только большим городам, но не тихому славному Литчфилду. Рас задумался, не поворошить ли былое: произнести имя гулящей девицы вслух и вспомнить ее грехопадение во имя укрепления духа, моральной стойкости и толщины кармана. *А вы помните Нэнси Кэмпбелл? Ваша дочь может стать следующей!*

Тревога всегда сулила лучшую рекламу – он знал это. В конце концов, она работала на церковь с незапамятных времен, почему бы «Дворцу» не разыграть ту же карту?

Ухмыльнувшись, Рас привстал и подхватил карандаш из чашки, стоявшей на стойке, прямо под массивным черным телефоном на стене. Им он сделал пометку на полях одной из листовок: «Нэнси Кэмпбелл».

Уболтай, потом продай, Кевинью.

Хитрый малый этот Зазывала Дэвис. Несносный как черт. И янки в придачу (черт бы его побрал), но проницательный бизнесмен. Знал, что подправить, чтобы дела кинотеатра пошли в гору.

К черту Джейн, черт бы ее побрал, Рассел, – подумал Рас. В тот час, когда сиськам не удастся собрать кассу, с задачей управится страх.

Все мужики одним миром мазаны: и американские Джоны, и сраные Такеши из-за океана, и сам, мать его, Сатана, а теперь еще и симпатичный паренек по соседству. У него в штанах – змея, и та хочет проскользнуть в твой милый садик, пока ангелочки не смотрят (*а хорошо получается!* – хвалил себя Рас, остервенело черкая карандашом). Так что лучше вам приготовиться к таким вещам заранее. Узнать факты. Предупрежден – вооружен.

– Страх, – произнес Рас вслух, глядя на исписанную до краев листовку. – Он всему голова. В нем-то все и дело.

Он снова усмехнулся, не обращая внимания на синевато-лиловый горизонт за окном кухни, вдохновляющий пару щебечущих птиц и сигнализирующий о начале нового дня. Его все еще слишком увлекали мысли о прибыльном терроре, который он вот-вот найдет на всю округу.

Глава 3

Боль, ударившая в голову из-за пальцев, обожженных тлеющей сигаретой, вынудила Джоджо очнуться ото сна.

– Блядь, – прохрипел он. От одного этого слова во рту возник неприятный привкус.

Джоджо повернулся в кресле, вытягивая ногу и втаптывая окурочек в ковер: еще одно пятно погоды не сделает. Ковер был усеян окурками, словно минное поле Второй мировой. Жалобщиков не было. Кроме него и еще одного редкого гостя – мистера Гиббса, сюда никто не приходил. Он со вздохом откинулся на скрипящую спинку стула и нырнул рукой во внутренний карман пальто за небольшой флягой; сделал глоток, погоняв жидкость во рту. Скривил лицо, опять вздохнув. В висках стучало, а поясница была словно сдавленный кулак, который нельзя разжать.

– Блядь, – громко повторил он, думая: *еще разок, на бис – и с чувством.*

Посасывая стремительно набухающие волдыри на указательном и среднем пальцах, Джоджо потянулся к столу за пачкой «Олд Голд», достал одну сигарету и отправил ее в рот. Он прекрасно знал, что использовал последнюю спичку, ему просто хотелось чем-то себя занять. Держа сигарету одним краем губ и лобзая волдыри другим, Джоджо повернул ручку белого «Коронадо» и смежил веки. Пел Эл Декстер. Песенка была известна Джоджо Уокеру:

Положи кольт, детка, положи свой кольт.
Мама с пистолетом, положи свой кольт.

Знакомая мелодия, знакомые чувства. В свое время он знал нескольких мамочек с пистолетами, среди которых была и его покойная жена. Старая, добрая, неумолимая Бет, похожая на Айрин Данн после недельного запоя, с ее молочно-белой жилистой дрожащей рукой и миниатюрным «моссбергом»⁴ в ней.

Казалось бы, крошечная вещица, даже в такой маленькой нежной ручке, но Джоджо не стал умалять ее значения. Если на тебя навела ствол женщина, самое правильное решение – заткнуться и не дергаться. Поэтому он молча глядел, как она со стекающими ручьем слезами и пузырящимся от соплей носом выкрикивает: «Ты ведь знаешь, у меня нет предрассудков, но, ради Бога, Джордж, негритянка?» Будто одного факта измены недостаточно – еще нужно и повернуть нож в сердечной ране.

В кабаре навеселе я попивал пиво,
Но вдруг она застучала. Теперь я далеко...

Он неосознанно постукивал под столом ногой в такт, пока не очнулся и не прекратил. Загудел электрический вентилятор. Снаружи раздался автомобильный гудок. Вероятно, гость сигнализировал коридорному, кем бы тот ни был, заменяющему Чарльза в такую рань. Джоджо был плохо знаком с персоналом дневной смены.

Он чувствовал себя вампиром, словно Бела Лугоши, отпугиваемый ослепляющим прямым солнечным светом, вторгающимся в его небольшое личное пространство через любую щель, какую можно найти в броне его венецианского окна. В идеальном варианте он уже спал бы на койке, наполовину под зеленым шерстяным одеялом, раздевшись до трусов. Вместо

⁴ С 1919 по 1932 год компания Mossberg производила четырехствольные дерринджеры 22-го калибра. Модель пистолета называлась Brownie и стоила приблизительно 5 долларов. Пистолет был настолько малогабаритен, что получил в народе прозвище Lunchbox Gun («пистолет в коробке для завтрака»), и крайне прост в эксплуатации. Хотя при выстреле в упор вполне мог нанести смертельные повреждения.

этого он томился в кресле за столом, с незажженной сигаретой во рту, в то время как температура в комнате близилась к адской. Чертов вентилятор сам себя не починит, особенно в тот момент, когда чувствуешь, как пот ручьями течет по бокам. Поэтому, сделав еще один глоток из фляжки, Джоджо выключил радио и, накинув шляпу, отправился на более прохладные пастбища.

Остаток песни последовал за ним в голове, через вестибюль и мимо мужлана за кассой, вплоть до выхода на душную улицу. Почти закипая в своем мокром измятом костюме, Джоджо продолжал хранить ухмылку на лице и идти. Раз уж он вышел, значит, полдела сделано. Он отправился к «Звездочету», хоть и не собирался туда.

Может, завалиться на весь день во «Дворец»? Пятнадцать минут изнуряющей ходьбы по плавающему солнцепеку – и вот знакомое здание театра и совершенно белый шатер близ него выплыли из облака знойного марева.

Зазывала Дэвис представляет...

Джоджо уж забыл об этом. Прищурившись из-за яркого света шатра, он повернул на Франклин, прочь от театра, идя прямо к аптеке с красующимися ступкой и пестиком на левой стороне вывески да рожком мороженого – на правой. Посередине большими золотыми буквами выведено Finn's. Место было полупустым – слишком рано для молодежи и слишком поздно для засидевшегося за чашечкой кофе старичья, выползшего из дома за всякой всячиной. Открывая дверь, Джоджо вздрогнул от звякнувшего над головой медного колокольчика. *Бессонница дает о себе знать*, решил он. Именно она сделала его нервным. Все, кроме одного из пяти стульев за барной стойкой, были пусты. Пятый от начала стул прогнулся под тяжестью крайне увесистого мужчины, одетого в рубашку с закатанными до локтей рукавами и потом, градом стекающим по его мясистому багровому лицу. Толстяк заправлялся колой так, словно от этого зависела его жизнь, и, как только увидел Джоджо, его мокрое, изможденное лицо расплылось в улыбке.

– Какие люди! Сам Джоджо! – сипло поприветствовал он. – Ну, что новенького в уголовном кодексе?

– Да всё то же, что было раньше, Финн.

Финн похлопал по табуретке рядом:

– Давай приземляйся.

Горазд на словцо, Финн. Джоджо полагал, что лексическое богатство его друг перенял от шпаны, которая заваливалась в его местечко чуть ли не на целые дни летом, – *пострелята и их бедокурии*, как говорил сам Финн, о парнях и девчонках соответственно. Молодежь смеялась над его словесными попытками стать для них своим в стельку, а старшему поколению Финн казался неотесанным. Но Джоджо, не кривя душой, любил этого парня, своего стародавнего приятеля. Финн был одним из немногих, кто от него не отвернулся после того, как по округе пошли слухи. И если недавние коллеги-копы могли назвать его в лицо «чернотрахом», то Финн, когда разговор касался сей деликатной темы, просто пожимал плечами и говорил: *мужик есть мужик, Джоджо, не попробует – не узнает*. Слух Джоджо эти слова ласкали лучше музыки.

Он забрался на стул и вздохнул. Финн щелкнул пальцами в сторону придурка за стойкой, на что тот ленно поднял пудовый взгляд, спрятанный до поры под залихватски заломленной бумажной шапочкой.

– Принеси мистеру Уокеру газировку, будь добр.

– Спасибо, – молвил Джоджо.

– Или молочный коктейль хочешь? Ты же в курсе, что это такое? Наш Стью на севере бывал, он знает. Расскажи ему про молочный коктейль, Стью.

Стью приподнял бровь и глубоко вдохнул, но Джоджо прервал его взмахом руки.

– Газировка сойдет, Стью.

Стью достал чистый стакан из-под стойки и наполнил его до краев. Финн положил тяжелую руку на плечо Джоджо.

- Простые вещи – самые лучшие, я ведь прав?
- Прав как боженька, Финн.
- Вот чего чертовы немцы не понимают, это простых вещей. Черт, даже фуфелы-янки не понимают. Прости за мой французский, Стью.
- Тот лишь поджал губы и пожал плечами.
- Не понимают, и все тут. Ты когда-нибудь был в городе, Джоджо?
- Временами я делаю ставки на лошадей в Оклауне.
- Допустим, но я имел в виду большой город. Настоящий. Типа Сент-Луиса или Чикаго.
- Не-а, – ответил Джоджо, кивая Стью в знак благодарности, как только газировка обрадовалась на стойке. – Не могу сказать, что был.
- О-о, приятель. Люди в таких местах носятся, что дикие звери, словно сам дьявол им на пятки наступает. Это ли не жизнь?
- Думаю, нет, – ответил Джоджо. Он прильнул к стакану и жадно опустошил его. Аж зубы заныли от количества сахара, но то было скорее приятно, чем наоборот.
- Вот я и говорю, чем проще, тем лучше, – сказал Финн. – Да, сэр.
- Скажи, – начал Джоджо, вытирая губы тыльной стороной ладони, – когда ты был в Чикаго последний раз, Финн?
- Ну, я-то не был. Но видел кучу фотографий во «Дворце», сечешь?
- Секу, – ответил Джоджо с ухмылочкой. – А я тогда пару раз видал Рокси Харт⁵ этими вот глазами.
- Врешь же. – Теперь и Финн усмехался.
- А как насчет их нынешнего показа?
- Ты про «Дворец»?
- Про него, родимого. Там обосновалось какое-то выездное шоу – так про него говорят. И называется оно «Преждевременное материнство».
- Звучит... вульгарно.
- Разве тем кого удивишь сейчас?
- Как по мне – да, приятель.
- Джоджо допил газировку и сунул сигарету в рот. Финн поспешил зажечь спичку, ею же прикурил и свою сигарету.
- Часть ребят, что его привезли, заехала в отель прошлой ночью. В поздний час. Они, видит бог, странные типы. Один одет в доктора, а у длинноногой девицы такой видок, будто вместо крови у нее водица ледяная.
- Вот так новости – цирк приехал.
- Ага, куча клоунов.
- Выдворишь их?
- У меня нет на то причин. По крайней мере, пока.
- Будни гостиничного копа, – протянул Финн.
- Джоджо кивнул и простонал:
- Я больше не коп, Финн.
- Нет разницы, если тебя интересует мое мнение. Разница лишь в том, что теперь тебя не вышвырнут за то, что ты устроил взбучку одному умнику, как было при Эрни.
- Джоджо сморщил нос от услышанного. Уж больно крут был Эрни Рич: всегда ходил трезвым, что твое стеклышко, и от подчиненных пьянства не терпел. Однако алкоголь не имел отношения к увольнению Джоджо. Он вообще не имел отношения ни к чему, раз на то пошло. Джоджо поймал себя на мысли, что обижается на Финна за неуместное поднятие щепетильной темы.

⁵ Героиня пьесы Морин Даллас Уоткинс «Чикаго».

Тот лишь усмехнулся и похлопал Джоджо по спине, да с такой силой, что чуть не отправил его в полет через барную стойку.

– Дружище, ты слишком сильно паришься! Посмотрел бы ты на себя – ну у тебя и рожа...

– Ну да, ну да, – пробормотал Джоджо. – Знаю-знаю. Рожа с собачьей схожа.

– Ты же понимаешь, – протянул Финн. – Смекаешь, что я не имел в виду...

– Черт, Финн. Цена всему этому – грош.

– Я к тому, что я вовсе не хотел сказать...

– Забей, – почти рыкнул Джоджо. – Я пришел развеяться, но оказалось, что здесь не менее душно, чем снаружи. Наверное, мне лучше забуриться в другое местечко.

Финн обтер лицо рукавом рубашки и с недовольным видом повернулся к Стью. Тот, казалось, дремал на ходу.

– Ты что, ослеп, Стью? Почему вентилятор не включен?

Стью вскинул голову и пробормотал что-то невнятно-вопросительное.

Джоджо встал со стула и поправил свой костюм. Толку от этого было немного.

– Дружище, ты просто бежишь от проблем, – пожаловался Финн.

– Сделай мне одолжение, – сказал Джоджо, игнорируя сказанное, – если увидишь или услышишь что-то от людей из выездного шоу, дай мне знать.

– Конечно, Джо, без проблем.

– Будь ниже травы, тише воды...

– Не вопрос, Джо!

– ...но держи ухо востро.

– Я пошлю дымовой сигнал, – бросил, ухмыляясь, Финн. – Я-то храбрый парень.

– Лучше будь осмотрительным парнем, сечешь?

– Естественно.

Джоджо вяло отсалютовал и направился к двери. Трезвон дверного колокольчика сверху и поток ударившего в лицо горячего уличного воздуха заглушили крики Финна на бедного Стью – по поводу вентилятора. Единственная тень в поле зрения принадлежала табличке на крыше, да и та крошечная. Все остальное было раскалено от знойного палящего, неумолимого солнца. Джоджо сморгнул пот с глаз, проведя рукой по лицу, и вдруг осознал, что не побрился утром. Скорее всего, это не бросается в глаза, но он почти чувствовал, как чернота окаймляет его лицо, омрачая бледную шотландско-ирландскую кожу. Он встряхнулся, стиснув зубы, словно собака от воды.

– Боже правый, – промычал он достаточно громко, чтобы слышала бредущая мимо старушенция со сморщенным лицом. Она бросила демонстративный взгляд на Джоджо, и тот, натянув на лицо улыбку, приподнял помятую шляпу.

– Доброе утро, мэм.

Ссохшаяся женщина что-то проворчала в ответ и проковыляла мимо. Джоджо снова пробежал руками по лицу: щекам и подбородку, лбу, вискам и носу. *Гав-гав*, с горечью отозвалось в голове.

Медленно двинувшись в путь, вверх по Франклин-стрит и до Мейн-стрит, где на горизонте снова вырисовывался ослепительно сияющий в полуденном зное шатер «Дворца», будто мираж в пустыне Мохаве.

Черные печатные буквы ничуть не изменились, и, когда Джоджо приблизился – непроизвольно, словно притянутый незримой силой, – его глазам предстала растущая толпа народа, теснящаяся под треугольным навесом театра, создавая беспорядочную и бесформенную очередь, которая тянулась по всему периметру белокаменного здания.

Джоджо остановился по диагонали от кассы, на другой стороне улицы. Он не считал по головам, но предположил, что перед домом толпится человек тридцать пять – сорок как минимум. И это за два часа до начала шоу, о чем говорил потертый рекламный щит у обочины.

И весь этот шум ради второсортного «гигиенического фильма»?

Джоджо поплыл вверх по тротуару, пока не оказался напротив толпы. В ней стояли, как выяснилось, одни женщины, от первой и до последней, – сморщенные от солнца, потные от жары; многие были ему знакомы: мало кто на его месте, прослужив столько лет в маленьком городке, не знал бы каждого в лицо. Поначалу Джоджо решил, что единообразие продиктовано войной, но вспомнил, что Литчфилд не славился недостатком молодых парней. Пожалуй, единственный, кто мог быть призван на военную службу, – Эдди Мэннинг, но это все равно значило, что оставалась куча Томов, Диков и Харрисов на представление в среду. Джоджо внимательно взглянул на рекламный щит и осознал, что он гласит: *«Только для женщин и старшекласниц»*. В его поле зрения была куча и тех и других: Тэмми Хофф и Мэгги Паркер, а также ее сестра Лула (или Лола?), от которой еще в тридцать девятом было море проблем – за нее братья Барнс стрелялись, один из них вроде даже ноги лишился. Джоджо полагал, что сестрица Мэгги нюхнула за жизнь порядочно пороху, и тем не менее вот она, в компании взволнованных и вроде слегка встревоженных женщин, ждет своей очереди убедиться воочию, из-за чего весь сыр-бор.

Любопытно.

Джоджо приметил начало следующего представления – мужского – и продолжил свой путь вниз по Мейн-стрит, пока не добрался до перекрестка с Линч-стрит, где свернул налево и побрел дальше. Лавка Арнольда Така находилась неподалеку, а Джорджия Мэй Бигби вот-вот должна была прийти на ланч.

Джорджия лежала на боку, поджав ноги и обмахиваясь потрепанным журналом с Кларком Гейблом на обложке. Ее грудь сверкала в лучах солнечного света, люющего сквозь жалюзи, а каждая капелька пота, словно крошечный бриллиант, подчеркивала роскошное декольте, выпирающее под нежно-голубой ночнушкой.

Джоджо, в свою очередь, сидел в плетеном кресле возле комода, выкуривая одну из сигарет Джорджии – «Дабз», с кокетливым розовым кончиком. Он снял пальто и шляпу, в остальном оставаясь одетым и отстраненно наблюдая за ней, будто бесправный посетитель пип-шоу.

– Значит, ты пришел не за мной, – молвила Джорджия. Это был не вопрос.

– Конечно, за тобой.

– Но не ради того, чтобы... ты понимаешь, о чем я говорю. – Она провела журналом вдоль своего тела, выпрямляя ноги и, видимо, воображая себя самой роскошной моделью в центре выставочного зала.

Джоджо ухмыльнулся.

– Нет, боюсь, не за этим.

– Жарковато, однако, – сказала она, возвращаясь к обмахиванию журналом. – Не зря я все-таки сняла платье. Не знаю, как ты еще жив в костюме в такое время года.

– Это униформа.

– У всех она своя, не так ли?

– Вроде того. Но я тебе скажу, пупок и очко тоже у каждого – свои.

Краска залила лицо Джорджии. Она нахмурилась.

– Ты, наверное, и когда малышом был, носил этот чертов костюм. Держу пари, родился в нем. Не было у маленького Джоджо штанишек на лямках... нет-нет, только не у него.

Вместо ответа он затянулся сигаретой с розовым фильтром. Почти догорела, надо бы запалить новую.

– У тебя есть что-нибудь выпить?

– Сивуха какая-то, – бросила она с презрением. – Один парень оставил ее тут с месяц назад нетронутой. Принес в коричневом бумажном пакете, рассчитывал надраться, но так разнервничался, что, наверное, совсем о ней забыл.

– Больше ничего нет?

Джорджия пожала плечами.

С кухни она принесла пару пыльных бокалов для виски и поставила по обе стороны от бутылки. Да, судя по самопальной этикетке, то еще дешевое пойло. Джоджо, скривив губы, наполнил-таки бокалы.

– Нет, сладенький, мне не надо, – открестилась Джорджия.

– Тогда я оба опрокину.

Сделав первый глоток, заметил губную помаду на краю стакана. Он ничего не имел против. Так, разве что отчасти. Сделал еще один глоток и поморщился. Пойло – иначе и не назовешь.

– Я же говорила, – поддела его Джорджия.

– Будь твой нервный парень джентльменом, принес бы что получше.

– Конечно. Мог бы и цветы захватить. И сказать, что я напоминаю ему матушку...

– Хотел бы я встретиться с матушкой, что напоминает кому-либо о тебе.

– Веди себя хорошо, – предупредила она, погрозив пальцем, – не то мама накажет.

В ответ Джоджо лишь хихикнул. Пороть она его, конечно, еще не порола. Но с Джорджией Мэй на пару, этой девицей с самой дурной репутацией в Литчфилде, он всякое вытворял. Слышал пару раз, как люди понижали голос, заговаривая о ней, и называли то законченной шлюхой, то даже легендарной Вавилонской блудницей. Однако у него никогда не было веских причин верить услышанному. Когда наконец пришло время шефу Райсу унять назойливых библеистов и начать официальное следствие по делу, именно помощник шерифа Джордж Уокер подъехал к полуразрушенному дому Бигби в четырех с половиной милях к югу от города на Джексон-Хоул-роуд. Дама не была рада увидеть полицейского на пороге и разразилась серией проклятий, да таких, от которых даже у моряка завяли бы уши; и все же они не стали утруждаться долгими прелюдиями и заскочили в постель, за полчаса пропитав простыни таким количеством пота, какого хватило бы на восемь часов непрерывной страсти.

– Считаю, что за спасибо, помощничек, – прорычала она после, и Джоджо, казалось, никогда прежде не ржал так сильно. Уходя, он сказал ей, что она похожа на старую горную дорогу, а когда она озадаченно посмотрела на него, объяснил, что у них обеих есть опасные изгибы. Оба посмеялись, и Джоджо снова пришел через неделю и кучу раз после.

Все постарело, но не испортилось. Просто прекратилось само по себе. Он встретил Сару, которая стала для него чем-то большим, чем просто девица на одну ночь. Стала тем, кто помог распутать клубок проблем. Тем не менее фундамент ему заложила именно Джорджия. Они больше не трахались, но оставались хорошими приятелями, друзьями по греху. А еще разделяли ужасный секрет Джоджо, в курсе которого, кроме Джорджии, была только Бет. Вызывающий стыд секрет о тайне Джоджо и главном источнике его пожизненного отвращения к себе, жалкого существования, которое он влачил с детства, когда у него начали расти густые каштановые волосы от макушки до кончиков пальцев ног.

– Ты какой-то молчаливый и пришел не ради перепихона. – Джорджия, решив все-таки выпить, поднесла бокал ко рту. – Не хочешь снова попробовать сахарный уход?

– Нет, – ответил он, рассеянно потирая лоб, – но мне не мешало бы побриться.

– Занимайся этим в свободное время, сладенький, – сказала она. – Мне еще нужно к Таку вернуться. Не думаю, что кто-то другой согласится дать мне работу, если даже Так вышвырнет меня, знаешь ли.

– Я же говорил, что могу устроить тебя в отель.

– А я тебе говорила, что отель – последнее место для дамы с моими запросами. Меня закидают гнилыми помидорами через месяц.

– Тебе нужно туда, где трава зеленее. В город побольше.

– Ну конечно. В местечко, где я смогу исчезнуть, раствориться как невидимка... вот только дальше что? Я предам себя. Стану напоминанием о той, которой была когда-то. И ты – где будешь ты? Много ли друзей у тебя останется, Джо?

– Черт, я бы пошел с тобой.

– Ага, и мы бы открыли ресторанчик. Ты – на кухне, я – официантка.

– Боже, – охнул Джоджо, закуривая очередную сигарету. – Звучит неплохо.

– Брось, это лишь греза. Ты должен был уйти, как только понял, что стены между нами рушатся. Что ж, черт... тогда и мне не стоило приходить сюда. Но для таких стариканов, как мы, слишком поздно, Джоджо. Мы уже стали частью единого целого. Городская шлюха и копалкаш в отставке, замутивший с...

Она замолкла, борясь с желанием договорить. Джоджо тяжело вздохнул и осушил стакан.

– Она была хорошим человеком, – сказал он наконец вполголоса.

– Я не это имела в виду.

– Забудь.

– Боже, я и живьем-то ее ни разу не видела. И ты прекрасно знаешь, что у меня на сей счет нет предубеждений.

– Звучит как хит недели. Я слышу эту песню из каждой щели.

– Уж шлюхе-то – иметь предубеждения! Даже цветные по положению выше меня будут.

– Говорю же – забудь.

Некоторое время они оба молча курили в тишине, нарушаемой лишь дыханием и тиканьем часов. Спустя миг Джорджия встала из-за шаткого кухонного стола и удалилась в подсобку, чтобы переодеться.

Она выглядела слегка помятой, но Джоджо догадался, что обычно так и было. Он и она – потрепанная жизнью пара.

– Ступай первая, – сказал он, снова наполняя стакан, – а я вздремну немного. Я собирался сходить в кино вечером, перед работой.

– А что, у этого отброса Раса Кевинью намечается показ на этой неделе? Не похоже, что у него сейчас есть что-то в твоём вкусе.

– У него кондиционер есть, – ответил он. И через секунду добавил: – И Айрин Данн там не будет.

– Ну и слава богу, ей же лучше.

– Да шла б она далеким лесом... Слушай, тебе задание: проследи, чтоб я глаза продрал к половине седьмого, хорошо?

– Будет сделано, капитан.

Он с насмешкой отдал честь и сделал большой глоток поганого виски. Джорджия открыла дверь и остановилась на полпути.

– Ах да, Джоджо. В ванной есть бритва и пена для бритья. Ты начинаешь обрастать.

С грустной понимающей улыбкой она вышла и закрыла за собой дверь. Джоджо прислушался к удаляющимся шагам, стучащим вниз по лестнице и до парадной, прежде чем раздался рев двигателя ее автомобиля. Прикончив стакан, он застонал от отвращения к себе и отвратительному пойлу. Встал, почувствовав легкое головокружение, и решил отоспаться перед бритьем. Не хотелось испоганить линию роста волос, что являлось самой сложной задачей. Кроме того, у него на лице было достаточно белых шрамов и рубцов от царапин и порезов, которые он нанес себе сам за долгие годы бритья в трезвом состоянии, включая длинный розовый шрам вдоль левой стороны носа. Его стандартное оправдание по сему поводу звучало так:

– Да это я в поножовщине схлопотал. Видали бы вы, что стало с тем парнем, который на меня напал!

С нахлынувшим смущением Джоджо, пошатываясь, шагнул в спальню Джорджии и уснул там прямо в одежде, как только его голова коснулась подушки.

Та все еще пахла ею.

Глава 4

Близился вечер, а полуденное пекло все еще давало о себе знать.

И хотя кухня была самой жаркой комнатой в доме, по крайней мере в летнее время, Теодора все равно стояла у плиты, распаясь с каждой минутой. Она задернула почти все занавески в доме и выключила все лампы, так что лишь остатки вечернего солнца освещали ее работу, и пока этого было достаточно. Чудо из чудес: газовая горелка продолжала гореть. Ее даже ни разу не пришлось зажигать заново, что позволяло картошке мерно прыгать в кипящей воде. Ветчина в духовом шкафу источала ореховый аромат, благодаря арахисовому маслу, которым ее намазали, следуя новому рецепту, напечатанному в низкопробной воскресной газете за прошлые выходные. Порции были строгими, с каждым днем она все лучше их отмеряла. В надежде, что Рас не станет сильно насмехаться над ее стараниями. В конце концов, каждый должен внести свою лепту – ведь шла война.

Теодора открыла ящик и вытащила длинную вилку, чтобы проверить картофель, но ее отвлек трезвонящий на стене телефон. Отложив вилку на столешницу, она, прежде чем вызов не оборвался, подбежала снять трубку. Ответить удалось на четвертом звонке.

Не успела она произнести «алло», как вклинился голос с гортанным выговором, однозначно принадлежащий южанину:

– Позовите мне Рассела Кевинью, и побыстрее. Ситуация чрезвычайная. Я не шучу.

– Н-но мистера Кевинью нет дома, – выпалила Теодора, растерянная и огорошенная резким стартом незнакомца на другом конце провода. – Вам придется перезвонить ему позже...

– Черт подери, мне *необходимо* поговорить с ним! Прямо сейчас!

– Я же говорю...

– Послушайте, леди. Вы меня не знаете, Рассел – тоже. Но так вышло, что я немного знаю людей, которые устраивают показ в его кинотеатре. Вам не снилось, что они тут замышляют. Все очень плохо, понимаете?

Теодора опустила веки, до сего момента не отдавая себе отчета в том, как сильно она вытаращила глаза, и повела бедрами в сторону. Она знала, к чему идет. Звонили люди преподобного Шеннона, начавшие первый этап по срыву предстоящего на этой неделе показа у Раса. Она ждала подобного.

– Послушайте, – нетерпеливо сказала она, – если у вас какие-то проблемы, можете хоть молиться об этом до посинения. И если вы считаете, что мистер Кевинью не имеет права показывать эту картину, у нас в городе есть вполне компетентный шериф, можете пойти к нему и все рассказать. Но вот чего я не потерплю, мистер как-там-тебя, так это назойливых звонков в мой дом, когда я стою за плитой и знать не знаю, что за дела у моего мужа. Я ясно выразилась?

– Леди, вы меня не так поняли. Я в Литчфилде никогда не был, и мне до лампочки морально-юридическая чушь, о которой вы толкуете. Я говорю о такой беде, что не имеет отношения к делам вашего супруга. Тут сам дьявол ни много ни мало замешан!

Стиснув зубы, Теодора попыталась унять отчаянное трепыхание сердца в груди. На голове у нее встали дыбом волосы, кровь прилила к лицу – зной безбожный даже по меркам лета. Кровь буквально закипала в жилах.

– Не думаю, что дьяволу есть дело до кино, – выдала она со всей сдержанностью, на которую была способна. – И даже если есть, не думаю, что передвижные шоу – его прерогатива. Что сделано, то сделано, сэр. До свидания.

Положив трубку обратно на стену, она хмыкнула, возмущенная нахальством типа на линии. Почти в тот же момент телефон зазвонил снова, застав ее врасплох. – Теодора чуть взвизгнула от испуга.

– Боже, – пролепетала она. – О господи.

Ей не хотелось снова брать трубку, поэтому она вернулась к плите и погрузилась в готовку, сгребая картошку и протыкая ее зубцами вилки, чтобы проверить готовность. Еще пара минут – и достаточно. Еще пара минуток – и телефон наконец умолк. Больше звонков не было.

Однако мысли о произошедшем засасывали Теодору, словно зыбучие пески. Что-то из сказанного этим человеком задело за живое. *Тут сам дьявол замешан.* Так частенько поговаривала, понижая голос, ее няня Энн – много-много лет назад, в прошлой жизни.

(– Почему люди во Франции убивают друг друга, Энни?

– *Тут сам дьявол замешан, кровинушка. Лучшие спи...*)

Конечно, сейчас люди снова убивают друг друга во Франции, как почти во всех странах, но человек по телефону говорил не о том. Не о чем-то глобальном, как мировая война... Нет, лишь о кинопоказе. Паршивом кинопоказе.

Что же в этом могло быть дьявольского?

Она вытерла лицо краем фартука и посмотрела через кухонное окно на темнеющий горизонт. С каждым мигом все больше казалось, что Рас не успеет домой к ужину. Это было неудивительно, но все равно отдавалось горечью на душе. Мама (упокой Господь ее душу) цыкнула бы и напомнила ей, что муж в доме – хозяин, как всегда говорил ее отец, даже когда под слоем пудры проглядывался синяк под глазом или темные отметины, оставленные грубыми пальцами на бледной дряблой коже ее рук. *Отец всегда прав, Теодора, не бери в голову.* Но и в этом, по мнению Энн, был замешан нечистый.

С женищинами и людьми иного цвета кожи не считаются. Наверное, таков крест, который маме и старой Энни приходится нести, дитя, однако это ничего не меняет и не означает, что так – правильно. Придет время, и ты найдешь себе хорошего мужчину, которого не коснулся своим мерзким копытом дьявол...

Как папа, подумала она тогда, но не сказала.

Папа в доме – хозяин.

Рассел в доме – хозяин.

Проделки дьявола.

– Ой! – внезапно вскрикнула Теодора. Картошка разваливалась в воде. Она поспешила снять кастрюлю с огня, пока дело не стало совсем худо, но в спешке, желая свести катастрофу к минимуму, забыла прихватки. Железные ручки на противоположных концах кастрюли обожгли руки; она вскрикнула, инстинктивно разжала пальцы, и кастрюля со всем содержимым брякнулась на пол. Посудина громко звякнула о плитку – по той сразу побежала трещина – и расплескала кругом кипятки. Переваренная картошка запрыгала по полу, разваливаясь на куски. Теодора отпрыгнула назад, чтобы не попасть под брызги кипятка, и ударилась о кухонный стол. Тот откатился к стене. Деревянный крест, висевший на ней, сорвался с гвоздя и упал, ударившись о столешницу и расколовшись надвое. Пар в виде облачков шел от месива испорченной картошки и широкой лужи под ногами.

Теодора отшатнулась и села на один из кухонных стульев. Ее трясло, сердце бешено колотилось в груди. Когда на глаза навернулись слезы, она не потрудилась их вытереть. А позже, когда ветчина начала гореть, а печь – дымиться, она просто погасила плиту и удалилась в гостиную. Все равно аппетит потерян, а Рас, похоже, не собирался возвращаться домой.

Не успела Теодора опомниться, как в комнате потемнело.

Но она не стала вставать с кресла.

Она долго с него не вставала.

Глава 5

– Господа! Господа, пожалуйста...

Зрительный зал – если небольшой набор жестких красных стульев, привинченных к полу в двадцать пять рядов по пятнадцать человек, можно было так назвать – несколько смягчил отчетливо мужской грей, хотя и не полностью. На возвышении, под ширмой, стоял худой мужчина. Его руки были подняты вверх и вытянуты вперед, как у типичного бродячего пастыря. Лицо ничего не выражало – ни дать ни взять маска из камня. На мужчине надет белый халат – всем знакомая форма медработника. Рядом с ним стояла полная молодая женщина, тоже одетая в белое «врачебное» платье, и держала в своих толстых руках стопку брошюр.

– Джентльмены, пожалуйста, обратите внимание на меня. Время начинать.

Медсестра – все присутствующие в зале наверняка сошлись на том, что это она, – весьма фальшиво улыбнулась и попыталась изобразить интерес к тому, что скажет человек в белом халате. Шум еще немного смягчился, снизойдя до глухого бормотания и наконец выродившись в тишину.

Мужчина улыбнулся – каменной улыбкой, общему выражению лица под стать.

– Я – доктор Эллиот Фримен, – объявил он, – дипломированный сексолог.

Раздалось хихиканье со стороны групп молодых людей. Доктор нахмурился.

– Наша страна переживает кризис, – продолжил Фримен немного громче. – Из-за таких людей, как Гитлер и Тодзё⁶, – о да, но я имею в виду и здесь, прямо в наших благословенных маленьких городках, в самом сердце Америки. И в ваших домах, добрые мои господа!

Хихиканье прекратилось. Несколько раз кто-то прочистил горло, и только. Теперь все внимание было приковано к Фримену.

– Я говорю о ваших сыновьях и дочерях, обо всех молодых людях в вашей общине. Я говорю о будущем самого...

Доктор Фримен на мгновение остановился, открыв рот и медленно втянув воздух, но было слишком поздно, чтобы скрыть заминку.

– ...Литчфилда, друзья мои.

Он обвел взглядом толпу, изучая лица мужчин, многие из которых подняли брови в предвкушении предстоящего. Почти все места были заняты, за исключением десятка или около того. Вторая медсестра лениво бродила туда-сюда между рядами, с такой же охапкой брошюр, что и первая. В отличие от коллеги, стоявшей на сцене с доктором Фрименом, она, казалось, постоянно хмурилась.

– Друзья, – продолжал доктор, – мы с вами живем в совершенно новую эпоху. Все изменилось. До сих пор меняется. Но некоторые вещи, друзья мои, никогда не меняются, даже когда стоило бы. Позвольте мне задать всем вам один вопрос. Когда преступники становятся умнее, разве вы не молитесь о прибавлении ума у добропорядочных граждан?

В зале послышался одобрительный ропот.

– Конечно, вы все знаете правильный ответ, он напрашивается сам собой. Итак, когда наши молодые люди становятся компетентнее в отношении секса – ну же, мы здесь для этого, – когда они становятся мудрее, разве вы не считаете, что мы, их опекуны, попечители, тоже должны поспевать за ними? И становиться еще мудрее их!

В общем и целом зал, похоже, был солидарен с доктором Фрименом.

⁶ Хидэки Тодзё (1884–1948) – военачальник и политический деятель Японской империи. Принимал непосредственное участие в оккупации Маньчжурии, занимая должность начальника контрразведки. Во время Токийского процесса был признан военным преступником высшей категории и впоследствии казнен.

– Но вот в чем дело, вот в чем – кризис, господа! Они – я имею в виду молодежь – просвещены наполовину. Знают все награды, но ни один из рисков! А вы? Вот вы, господин хороший в передних рядах, знаете ли вы всё, что нужно, чтобы защитить вашу маленькую Сьюзи или Лулу? Я говорю о жизненно важных фактах, мужчины. Не так ли? Можете ли вы быть уверены, что ваша дочь не кончит, как бедная, несчастная Барбара в фильме, который вы сейчас увидите?

Джоджо крепко-накрепко вцепился в коробку с лакрицей, стесняясь открыть. Вряд ли бы кто-то в зале сделал ему замечание, но, вероятно, невежливо приносить еду на такой сеанс. Вообще-то они продавали эту чертову дрянь прямо в вестибюле, но он, шутка ли, оказался единственным, кто ее купил, и теперь чувствовал себя неловко. И как теперь быть? Прижав запечатанную коробку к груди, словно внутри была ни много ни мало государственная тайна, Джоджо жалел, что на нее потратился. Эх, не будь он сейчас голоден....

Проснувшись, он был почти уверен, что опоздал и пропустил шоу и что другого шанса сходить не будет – из-за работы. Сел в кровати, таращась широко раскрытыми глазами, смаргивая оставшийся в них со сна туман, различая лишь смутно знакомую комнату со следами типично женского хаоса, и саму женщину-хозяйку, смотревшую на него из дверного проема.

– В наше время уже не прекрасную принцессу, а принца приходится будить поцелуем, – со смешком заметила она.

– Который час? – прохрипел, дыхнув виски, «принц».

Оказалось, час вполне терпимый. Правда, времени поужинать не оставалось – если, конечно, Джоджо не хотел опоздать. А он не хотел.

Так что пришлось ограничиться своей любимой черной лакрицей, да и ту он чуть не раздавил в кулаке из-за беспокойства, прилично ли ее лопать перед доктором.

Он смотрел на странного человека на возвышении и вполуха слушал его болтовню о приходе великой новой эры, когда откровенный разговор о человеческой сексуальности будет признан наукой, а разум станет спасителем человечества, хотя доктор старательно облекал свой посыл в фальшивые религиозные термины, чтобы уйма фанатиков в толпе не подняла шум. Фанатики сидели на удивление тихо, в немалой степени благодаря хорошо подобранным словам лектора, и к концу речи Фримен, похоже, овладел сполна всей аудиторией. Он, как понял Джоджо, изрядно напугал ревнителей церкви разговорами о святости и добродетели их дочерей, внушив им, что если они не уделят ему, уважаемому толкователю проблем полового воспитания, свое драгоценное время, то они либо глупцы, либо никудышные отцы и братья. Джоджо представление казалось насквозь балаганным. Та же нелепая болтовня про огонь и серу, какую можно послушать бесплатно в любой церквушке.

И вот наконец доктор, который, как полагал Джоджо, вовсе не был таковым, закончил речь и подал знак незримому киномеханику. Тот приглушил свет и прокрутил первую катушку. Под звуки хрипучего оркестра по мерцающему серому экрану поползли буквы, сложившиеся в коротенькое слово:

пролог

И далее:

История наша – из простых и понятных, и тех, что случаются везде и всегда.

История наша – история ваша! И драма сия разыгрывается в каждом городке по всей Америке, прямо у вас на заднем дворе! Вы повстречаете Барбару Блейк, скромную и невинную девушку, чей образ всем вам хорошо знаком; девушку, не защищенную от угроз нового времени, в котором мы с вами живем!

За сим расплывчатым страшающим утверждением последовало заполнившее весь экран возгласение, начертанное жирными заглавными буквами, сопровождаемое тихой и недоброй музыкой:

НЕВЕЖЕСТВО – ГРЕХ, ЗНАНИЕ – СИЛА.

Джоджо ухмыльнулся в темноте.

Старого Джимми Шеннона удар хватит, если он увидит это дерьмо,
подумал он. *Хоть вентилятор здесь есть – не зря пришел.*

Сам фильм был ничем не примечателен во всех отношениях. Бедняжка Барбара Блейк, которую вяло играла какая-то неизвестная актриса, чье имя Джоджо забыл почти в ту же секунду, как только титры закончились, шаталась семо и овамо в первом акте, отчаянно влюбленная в сына бакалейщика. Само собой, вскоре эта дуреха угодила в положение. Естественно, большую часть второго акта она боролась с постыдной тайной, а к началу третьего самой себе казалась натуральной белой вороной. Вся ее нехитрая «игра» сводилась к театральному надуванию губ и заламыванию рук, а на той сцене, где якобы с ней случился обморок, в зале откровенно заржали. В конце концов раннее материнство Барбары подошло к ужасному и трагическому концу, когда ее кавалер набрался наглости и чуть ли не похитил ее под покровом ночи, чтобы тайно увезти в новую жизнь в большой город. Кончилось дело тем, что машина, на которой гнали молодые-шутливые, врезалась в широкий дуб. Парень умер, дуреха Барбара осталась жива, но схлопотала выкидыш. Где-то в нарочито поучительной части повествования затерялся посыл, что судьба этой парочки – результат незнания фактов и неподчинения правилам.

Как только мелодрама закончилась, началось самое странное.

Кадр сменился так неожиданно, что Джоджо не сразу осознал, что видит. Белизна на экране; две симметричные складки, сходящиеся к чему-то неравномерно-черному, как-то странно выпуклому, мокрому. Чернота постепенно отступала, являя миру новое белое. Только потом, по вздохам в зале и каменным лицам мужчин, застывших кто в самых недрах кресла, кто на краешке, он понял: им показывают настоящие роды. Кое-как распределив внимание между тем, что творилось на экране и зрителями, Джоджо не без чувства мрачной веселости подмечал, как много, оказывается, можно рассказать о личном опыте каждого человека, если брать за основу степень дискомфорта, написанного на лице. Самый молодой на вид зритель аж позеленел. Старичок-жид с козлиной седой бородкой только ухмылялся и покачивал головой как китайский болванчик. Чудо появления жизни не таило для него никаких сюрпризов.

Хоть это и было крайне откровенное зрелище, Джоджо оставался невозмутим. Когда свет зажегся, доктор Фримен встал сбоку от помоста и оглядел собравшихся, судя по всему, оценивая настроение зала перед переходом к следующему номеру шоу. По обе стороны от него застыли две медсестры, всё с теми же стопками брошюр в руках.

– Всего за двадцать пять центов предлагаю вам ознакомиться со сведениями крайней важности, которые изложены в этих бумагах, – провозгласил доктор.

Выбор важных сведений оказался ожидаемо невелик: две брошюры, по одной – от каждой сестрички, про раннее материнство и, соответственно, про раннее отцовство. За обе – пол-доллара; заинтересованные – не упустите шанс. Джоджо решил не тратиться попусту – свои познания в вопросе он мнил достаточными. Когда та из двух сестер, что показалась ему симпатичнее, поравнялась с его местом, он невинно улыбнулся и изобразил пустые карманы. Она лишь пожала плечами и перешла к другому зрителю в ряду – вдруг этот окажется простаком.

Вторая сестричка держалась поодаль. Они встретились глазами один-единственный раз, и Джоджо моментально узнал ее. Несомненно, в черных чулках, в которых она была накануне вечером в вестибюле отеля, девица выглядела хорошо, но облегающий костюм медсестры (несомненно, купленный в магазине спецодежды) сидел на ней и того лучше. Он догадался, что медсестры обычно не носят так много косметики на работе, но она не работала медсест-

рой. Как и уважаемый доктор Эллиот Фримен, тоже из числа новых постояльцев отеля «Литчфилд Вэлли», она была лишь актрисой в новоявленном водевиле, зарабатывавшей себе на хлеб банальной ролью.

Медсестры сделали по два обхода, снова пытая счастья с теми, кто отклонил их предложение в первый раз. Джоджо поджал губы, глядя на женщину, снова появившуюся рядом с ним, и она нервно хихикнула в ответ. *А когда-то были времена, что я б с ней попытал счастья, рискнул приударить*, подумал он, *но они прошли*. Сестра пошла дальше, втиснула-таки кому-то несколько бумажек. Джоджо скользнул тихонечко в вестибюль и вышел на улицу. Бледно-ликий коротышка с копной белокурых волос стоял под уличным фонарем, судорожно листая урванный экземпляр «Преждевременного материнства», судя по лицу, в поисках чего-нибудь непристойного. Пролистав до конца, он разочарованно присвистнул и швырнул брошюру на землю. Выждав, пока бедный извращенец скроется вдаль, Джоджо лениво подошел к фонарю и подобрал брошюрку.

Что одному – смрад, другому – клад, подумал он, сворачивая буклет в трубочку и хороня в кармане. Обратил взгляд к запястью – часы, оказалось, не взял. Пожав плечами, он направился в отель.

Смотреть не на что. Так он говорил зевакам в свою бытность копом. Ступая по главной улице, Джоджо наконец открыл коробку с черной лакрицей и устроил себе ужин на ходу.

Джейк сидел, с глазами по пятицентовую монету, таращась на пышную грудь склонившейся над ним медсестры. Ну и штучка – манит и страшит разом! А эти сонно прикрытые веки, вызывающе красная помада... Да, тут есть о чем подумать на досуге. «Преждевременное материнство» она поднесла как блюдо для церковных пожертвований, и ее бровь изогнулась в немом вопросе.

Всего четвертак, всем видом говорила она.

Джейк шкодливо захихикал – стандартная реакция на весь этот вечер. В том «хи-хи» смешались и смущение, и легкий напряг. Он опрокинул несколько кружек пива со своим шурином и его ребятами – все они были готовы хоть сейчас махнуть в Мемфис и оставить свой след в жанре кантри и вестерна, – и, как обычно бывает, один заход превратился в два, два – в четыре, и, прежде чем к нему вернулось благоразумие, он волочил ноги ко «Дворцу», а мир перед глазами ходил ходуном.

Войдя в зал, он увидел там Джоджо. Постарался не попасть на глаза гостиничному копу – нырнул подальше от него, в глубь зала. Трудно сказать, кому было бы более неловко от встречи в таком месте, но жизнь научила Джейка избегать этого человека везде, кроме отеля «Литчфилд-Вэлли». Однажды, несколько месяцев назад, он обедал в «Звездочете» с одной обворожительной сучкой по имени Кэролайн, знакомой еще со школьной скамьи. На ее лице всегда сияла улыбка, однако это не мешало ей выглядеть так, словно она вот-вот расплатится. Пока Джейк доедал свой гамбургер, явился Джоджо Уокер. Казалось бы – приятель идет, друг, коллега по работе, а он возьми и ляпни:

– Ну, здравствуй, Джоджо, как дела? Присядь к нам, отдохни, мы не возражаем.

И ведь чистая правда – до той поры вся болтовня сходилась с его языка, а бедная безмозглая Кэролайн только и делала, что давила кривоизогнутую улыбочку да сверлила его своими большими глазами на мокром месте.

Реакция на приглашение последовала такая, будто он только что ляпнул парочку неласковых о матери Джоджо, – мужик нахмурил лоб, буркалы сделались у него что два разъяренных шершня, готовых сняться с места и рвануть из орбит.

Ответил он, впрочем, просто: «Нет, спасибо», и всё тебе, а потом удалился в кабинку у окна и закурил в угрюмом молчании над дымящейся чашкой кофе. Но всё ж, зачем такая грубость, к чему?

Поэтому, когда Джейк заметил это Лицо-со-Шрамом в центре зала, быстренько сел и опустил голову, надеясь, что его не узнают. По правде говоря, его не очень волновала судьба Джоджо с того самого дня в закусочной, ведь теперь он был парень без друзей, изгой, практически изгнанник, отказавшийся покидать город. А Джейк всего-то попытался вести себя с ним достойно, с некоторой долей порядочности, и что за это получил?

Ну и черт с ним, с Джоджо Уокером. Честь по чести, Джейк считал, что досталось тому по заслугам. Легко отделался.

Получится ли завладеть вниманием сестрички-брюнеточки, Джейк определить не мог. Возможно, трепыхаться не стоит. Так или иначе, он вынул из кармана четвертак и вложил в протянутую в ожидании ладонь. В ответ она улыбнулась ему глазами, только глазами, губы хранили неподвижность. *Опасные глаза, словно бездонные озера*, подумал Джейк. *В таких уто- нешь и не заметишь*.

– Придете на вечернее шоу? – спросила она еле слышно, почти шепотом, что было странно – их разделяло не такое уж маленькое расстояние. И все же он услышал ее, хотя не совсем понял, что она имела в виду.

– Вовсе нет... ну, нет, – пробормотал он. – А разве это – не вечернее шоу? Есть еще какое-то? Смешанное, если понимаете, о чем я...

Теперь обворожительная медсестричка наклонилась ближе. Ее теплое дыхание коснулось щеки Джейка.

– То, что сейчас, – просто картинка, – произнесла она. – Вечером будет кое-что совсем другое. Никакой рекламы. Вход только по приглашению.

– Но у меня работа... – начал было он.

– Ты же не хочешь пропустить сюрприз? – перебила его медсестра.

Последнее слово она произнесла с соблазнительным оттягом, свернув пухлые губки в бутон розы поначалу, а затем разведя их так широко, что перед глазами живо встали те вывернутые наизнанку женские бедра из заключительных кадров «Преждевременного материнства», – бедра, готовые вытолкнуть наружу дитя, во всех неловких подробностях. Ну и женщина! Seriously, кто станет клеить незнакомого парня после *такой* киношки?

Впрочем, Джейк не жаловался. Его это даже немного завело.

Но что скажет мистер Гиббс? И если Джоджо его тут заметил?

Вроде бы – нет. Но все-таки Джоджо – полицейский со стажем. На всякие лица у него, сто пудов, глаз наметанный. От такого фиг улизнешь, да и себе дороже, если удастся, но...

– На сюрприз кого попало не приглашают, знаешь ли, – угрюмо сказала медсестра, поддевочоночь надув губы. – Приходить или не приходить – решать тебе. У нас тут свободная страна, красавчик.

Она подмигнула ему на прощание и пошла дальше по ряду – изводить оставшихся мужчин скучными брошюрками, внушительными буферами и загадочным гипнотическим взглядом. Джейку показалось, что сестринский костюмчик маловат для ее габаритов, поэтому внимательно пересчитал взглядом складочки на ткани, облегающей ее формы, чтобы окончательно убедиться в своем предположении.

К черту Джоджо Уокера, решил он. *И к черту мистера Митчелла Гиббса*.

Сейчас было ровно девять часов, и даже если он побежит, то опоздает, по крайней мере, на несколько минут. Но в заднем кармане у него лежала книжка в мягкой обложке, а денег хватило бы на кусок пирога в «Звездочете», так почему бы нет? Неподалеку есть телефон, он позвонит и пожалуется на живот – кто сможет ему что-нибудь предъявить?

Джейк чувствовал себя хозяином своей судьбы. А его судьба сновала по проходам, впаривая дешевые книжки о сексе и, как ему казалось, время от времени поглядывая в его сторону. Он встал, протиснулся в проход и вышел в вестибюль с таким видом, словно он здесь главный. Будто ему принадлежал этот чертов город. К тому времени как Джейк наполовину

прочел «Семь шагов к Сатане»⁷ и почти без остатка приговорил персиковый пирог, его это раздулось до небес.

Она сама выбрала его, не так ли? Он-то заметил – ни к кому другому она такого интереса не проявила. Ни с одним другим членом клуба любопытствующих, заседавшего в тот вечер в кинотеатре, столько времени не провела.

Кстати, о членах...

Осади коней, ковбой, вразумил он себя. *На это у нас еще найдется время.*

Он отхлебнул кофе и отправил в рот кусок пирога, а пока жевал, прикрыл глаза и с улыбкой подумал обо всем, что сделает с этой бабой.

Как бы там ее ни звали.

Кабинка администратора пустовала. Джоджо подошел к ней, глянул внутрь, словно ребенок, что в зоопарковой клетке не может углядеть тигра.

Ни тигра, ни Джейка там не оказалось.

Джейк точно был в «Дворце». Наверняка не понял, что Джоджо его заметил.

Следующие пятнадцать минут Джоджо ждал, что Джейк объявится.

Но вот в вестибюль вошел мистер Гиббс. Вид у него был совершенно поникший – лысина в испарине, лицо осунувшееся. Чарльз едва не отскочил от босса, когда тот вошел. Джоджо облокотился на стойку регистрации в ожидании, когда к нему обратятся.

– Безумие, – проворчал Гиббс, тыча большим пальцем в сторону пустой кассы.

– А что? – Джоджо не собирался закладывать Джейка. Даже будучи помощником шерифа, он ненавидел стукачей и вообще любого, кто мог «переобуться» за мгновение.

– А то. Никто не будет сидеть за кассой, если только ты сам не захочешь занять это место.

– Да что-то не горю желанием.

– Я на тебя и не рассчитывал.

– А у меня есть выбор?

– Конечно есть. Ты белый, тебе уже за двадцать один. Все двери открыты.

– А если я хочу сохранить работу?

– Ежели так, садись в чертову кабинку.

Джоджо глянул на кассовую кабину, затем снова на Гиббса и усмехнулся.

– Только бы никто не дернул за рычаг. Не хочу падать в воду.

– Какой еще, к черту, рыча... а-а. Понял, понял. Всё шутки шутишь...

– А то.

– Ну, мы не в цирке, а в уважаемом отеле. Так что я думаю, сегодня у тебя двойное дежурство.

– Я не могу одновременно следить за кассой и патрулировать этажи.

– С каких пор ты патрулируешь этажи? Просто сиди спокойно и держи ушки на макушке, нос по ветру. Не так и сложно, да, Уокер?

– А вдруг случится чего?

Гиббс нахмурился, склонил голову набок. Впервые за все время Джоджо подметил, каким детским и незрелым становится лицо босса, когда он так делает.

– Если чего случится – разберись. Тебе за это деньги платят.

– А как насчет премии? – уточнил Джоджо.

– А ты парень не промах, – снисходительно сказал Гиббс, похлопывая Джоджо по плечу. – Завтра из Литл-Рока приедут люди, как-то связанные с «Дочерьми Конфедерации»⁸. Говорят,

⁷ Приключенческий роман Абрахама Меррита, написанный в 1927 году.

⁸ *Объединенные дочери Конфедерации* (англ. UDC) – американская наследственная ассоциация южных женщин, основанная в 1894 году в Нэшвилле, штат Теннесси. Заявленные цели организации включали в себя увековечение памяти солдат Конфедерации и финансирование возведения мемориалов.

собираются устроить танцульки или что-то в этом роде, словом, почтить воинские узы. Я не думаю, что они приедут до твоего отбоя... хм-м-м... до того, как ты закончишь смену... где-то в семь, ну так, чтобы ты знал...

- Такой график – только за двойную премию.
- Ладно. Черт с тобой. По рукам. Что-нибудь еще?
- Не знаю, – ответил Джоджо, пожимая плечами. – А что? Есть предложения?
- Чарльз хорошо держится? Справляется с работой?
- Конечно. Он хорош.
- Он отличный малый, – согласился Гиббс.
- Ему тридцать семь, – сказал Джоджо.
- И что?
- Ничего.

Гиббс на мгновение растерялся, но тут же пришел в себя. Он развернулся и пошел прочь, но остановился и снова оглянулся на Джоджо.

– Да, еще кое-что, – добавил он. – Те киношники, что заселились вчера вечером, – не спускай с них глаз, ладно? Вряд ли от них могут быть неприятности, конечно...

- Я понял, – ответил Джоджо.
- ...И я уверен, что их проверили, они не натворят чего-нибудь...
- Я займусь этим, босс.

Гиббс улыбнулся и сложил руки вместе.

– Я знал, что могу на тебя рассчитывать, Уокер. Да, может, люди говорят всякое... – Он оборвал себя на полуслове.

- А что? Что люди говорят?
- Ну, ты же знаешь, какими бывают люди. Я хотел сказать, что все, что ты делаешь, я считаю правильным, несмотря ни на что. Считаю, иной раз не стоит совать нос в чужие...
- Да, – перебил его Джоджо, цедя каждое слово сквозь зубы. – Иной раз – не стоит.
- Вот и я о том, – согласно закивал Гиббс.

Они обменялись неловкими взглядами, затем Гиббс причмокнул губами и потер ладонью о ладонь.

- Ну что ж, если больше ничего не нужно...
- Думаю, мы все вопросы уладили, босс.
- Славный ты все-таки малый.

Джоджо вернулся в кабинку и уже через несколько минут на своей шкуре ощутил, что чувствует тигр, запертый в неволе. Он огляделся в поисках любого чтива, которое могло остаться после Джейка, но не нашел ничего, кроме брошюрки, живописующей чудеса природы северо-западной части штата. Давненько их тут не раздавали – наверное, с тех пор, как парочка молодоженов задумала провести медовый месяц в Озарке⁹ да где-то там и сгинула. Джоджо задумался, не поймали ли их в такую же клетку пьяные деревенщины. Держали где-нибудь втихаря, издевались всячески и в один прекрасный день замучили до смерти.

Но разве он сам не был весь последний год заперт в собственноручно возведенной клетке? Он мог бы уехать куда-нибудь в другой город или штат или, черт возьми, в Мексику, имей это хоть малейший смысл. Начать жизнь с чистого листа, может, сменить имя вдобавок. На любое другое, какое нельзя исковеркать до Джоджо или иного непутевого прозвища. Начать ужиматься и экономить до тех пор, пока не сможет позволить себе электрическую процедуру по сведению волос у какого-нибудь доктора-шарлатана в маленьком пограничном городке, где вместо огромных высоток на горизонте красуются гигантские радиовышки. Больше никакого

⁹ Озарк – регион в центральной части США с особым культурно-историческим и рекреационным статусом.

Джджо – мальчика Псоглавца. Никакого проклятого синдрома Амбраса¹⁰. Никакого Джорджа Уокера.

С другой стороны, вероятно, это и есть клетка – собственное «я», голова. Его разум хоть в нем нет решеток, однако клетка самая настоящая. И если долго самому себе морочить голову... нет, дело даже не в том, чтобы долго ее морочить, а в том *как*. Если мыслить как чернокожий, партия проиграна заранее. Да и сторонников расового смешения не сыскать в радиусе пяти сотен миль. Поморочил себе голову – и работы как не бывало, скромное положение в обществе рассосалось. Пусть даже это положение держалось на том, что никто не знал, что он – урод, натуральный гребаный *вервольф* с шерстью и всем остальным, какая уж разница? Теперь всё гораздо хуже. Он сам себе – пожизненное заключение без возможности досрочного освобождения. Узник неприступной башни, которую сам возвел, своими волосатыми лапами.

Мексика, пронеслась в голове Джджо тоскливая мысль. *Может, там и неплохо*.

Джджо поморщился, закинул ноги на стойку и стал ждать, когда пройдет время. Оно шло, но чертовски медленно.

Джейк просидел в закутке так долго, что столы сменили гостей раз восемь, но ночь, казалось, все ускорялась, словно настенные часы были сломаны. Он доел пирог, дочитал роман Меррита и выпил лошадиную дозу кофе, и все это время думал об одном – о той сказочной медсестричке и ее аппетитных формах.

Джейк глазом не успел моргнуть, как пробило полдвенадцатого. Что ж, самое время перестать фантазировать и предпринять кое-какие реальные шаги. Бросив на стол доллар чаевых, Джейк упрятал книгу в мягкой обложке в карман и выпорхнул из «Звездочета», окрыленный, словно какой-нибудь тутовый шелкопряд.

Она знала: что-то не так, но это что-то было настолько неоднозначным, что лишь напряженным вопросом висело в воздухе. Она была уверена, что значительной частью *этого* была ее глубокая печаль. Знала это хотя бы потому, что всякий раз после очередных пролитых горьких слез жизнь начинала казаться еще более мрачной и тягостной – облегчение не наступало. Впрочем, ничего нового для Теодоры Кевинью – со слезами она провела гораздо больше ночей, чем без оных. И, как никто другой, знала, что подобное состояние – не просто слезы, сопли и всепожирающая тоска. Возможно, всему виной холодная отчужденность ее мужа, хотя Рас и не был отзывчивым человеком по природе своей. Его взгляды на супружескую жизнь едва ли как-то изменились с первого дня, или, точнее говоря, с начала тех самых странных событий в кинотеатре.

Странный мужчина в кинотеатре.

Она видела его один раз, и то мимоходом, как привидение. Совершенно ничем не примечательный во всех отношениях, начиная со среднего роста и обычного костюма в клетку и заканчивая лицом, смахивавшим на маску, – этакий усредненный образ мужчины лет сорока – пятидесяти от роду. В общем, самый обычный мужчина, каких видишь каждый день. Его волосы были напояжены и разделены пробором посередине, а на шее красовался галстук-бабочка, цвет которого она никак не могла вспомнить. Его голос был высоким, слегка женственным, но ни в коем случае не мягким; он говорил слишком громко и быстро, словно северянин (впрочем, Теодора не была уверена, что ей когда-либо доводилось встречать настоящих северян; она ничего не имела против янки, несмотря на огромное презрение к ним ее отца и деда, ведь ее прадед был один из пяти конфедератов, павших в бою за Линчбург; но само их существование казалось чем-то далеким: что китаец, что янки – считай, одно).

¹⁰ Самая сложная форма врожденного универсального гипертрихоза, характеризующаяся наличием длинных и пушистых волосков по всему лицу и телу, которая иногда сопровождается аномалиями черепа и прикуса.

Однако ее беспокоила не только чужеродность того типа, а странный блеск в его глазах и почти абсолютная власть, которую он, казалось, мгновенно возымел над ее обычно до жути независимым и абсолютно непримиримым мужем. Беспокоил странный ореол, окружавший это передвижное шоу, и та жесткая манера, с которой Рас вчера вечером обсуждал по телефону преподобного Шеннона. И та леденящая кровь улыбка, коей мужчина одарил ее, когда она украдкой взглянула на него: его голова резко повернулась в сторону, будто следя за каждым движением, а лягушачий рот так и расплылся в стороны, обнажая плоские белые зубы в улыбке, которую легко принять за оскал.

Что именно было не так? Теодора не могла ответить. Зазывала Дэвис – вот что не так (имя такое чудное – Зазывала). Его грязное шоу с грязным фильмом, который наверняка поставит на уши весь их тихий городок, если уже не поставил, – вот что не так. Дэвис напоминал ей низкосортного зазывалу, из тех, что таскались как стервятники за издыхающим животным, за цирками и балаганами. Напоминал об одной ярмарке, на которую отец водил ее вечность назад. Энни, кстати, не одобряла тот поход, будь ее воля, ни за что бы не пустила туда. Ведь на таких ярмарках дьявол правил бал.

Но если няня Энни остро реагировала на дьявольщину, Теодора – никак. Совсем.

Обрывки воспоминаний (лица, огни, запах опилок и рвоты) нахлынули, когда она встала, чтобы наконец включить свет и попытаться составить логическую цепочку из дел дней минувших и тревог насущных. Нужно найти взаимосвязь. Кричащие мужчины, плачущие младенцы и хмурые чудаковатые люди, на которых она не могла смотреть без страха, – все это как-то переплеталось.

Она просто толстая, папа, и это некрасиво с твоей стороны...

Теодора нахмурила брови и сосредоточилась на настоящем – комнате, доме, на всем, что нужно сделать. Она сложила журналы на кофейном столике ровной стопкой и тряпкой стерла пыль с маленькой стойки. Затем отправилась на кухню, чтобы убрать следы своего конфуза, и даже поймала себя на том, что напевает какую-то мелодию, прежде чем замолкла. То была «Nine Little Miles From Ten-Ten-Tennessee»¹¹, но она знала лишь припев, который наполовину напевала, наполовину насвистывала, раз за разом, вновь и вновь. Песенка напомнила ей о редких поездках в Мемфис в детстве, когда она проезжала Миссисипи по шаткому мосту и дивилась тому, что где-то есть город больше Литл-Рока. *Черт возьми, маленькая леди* (так называл ее отец в редкие моменты нежности), *есть города и в десять раз больше, чем этот*. Теодора представить себе не могла. Но теперь ей было все равно. Литчфилд достаточно велик, спасибо и на этом. Более того, если вы не смогли преуспеть, живя в Литчфилде, то в другом месте не преуспеете подавно. Она очень сомневалась, что еще хоть раз в жизни снова увидит Тен-Тен-Теннесси, и ее это в целом устраивало.

Ее все здесь устраивало.

Покончив с кухней, Теодора вернулась через переднюю комнату в прихожую, где обнаружила небрежно повешенные на дверцу шкафа пальто и шляпу Раса. Она никак не могла догадаться, зачем доставать пальто и шляпу в середине июля, но все же соизволила открыть шкаф и вернуть пыльную старую вещь на место. В наружном кармане при этом что-то сдвинулось, показалось наружу и упало на пол. Внимательно осмотрев вещицу с высоты роста, Теодора решила нагнуться и поднять ее.

На первый взгляд эти куски выцветшей голубоватой ткани, прихваченные нитью по бокам, напоминали маленький кошелек, но не в обычной для кошелька прямоугольной форме, а скорее в виде неказистой человеческой фигурки. Были у этой фигурки ручки и ножки, даже маленькая круглая голова с опаловыми пуговицами вместо глаз. Но волос – их можно было сде-

¹¹ Песня Эла Шермана, Эла Льюиса и Кона Конрада, записанная Дюком Эллингтоном 21 ноября 1930 года на лейбле Victor Records.

лать, например, из пряжи – не наблюдалось, да и на стежки, которые могли бы изобразить рот, неведомый кукольник поспешил. Даже одежды у его куклы не было. Да, неказистая игрушка, примитивная, но все-таки, надо думать, для ребенка кем-то сшитая. Для ребенка бедняков, допустим. Верней всего, маленькая девочка сама ее сшила из всевозможных обрезков ткани, и получился натуральный мини-Франкенштейн.

Резонное объяснение. Никак, впрочем, не раскрывающее, как вещица попала в карман пальто Раса. Хотя это и было так же очевидно, как отсутствие носа на лице куклы.

Кем бы ни была последняя девка Раса, она, без сомнения, еще и чья-то мать.

– Черт бы тебя побрал, Рассел Кевинью, – прохрипела Теодора, крепко сжимая куклу в кулаке. – Черт бы тебя побрал!

Она так сильно сжала игрушку-самоделку, что шов на ее плече лопнул. Из отверстия вырвался пьянящий аромат, пряный и острый. Теодора прищурилась и поднесла фигурку к лицу. Понюхала ее, вдыхая аромат корицы, гвоздики и, похоже, кедра?

Странная набивка для куклы.

Кукла какой-то малютки, напомнила она себе. Маленькой девочки, зовущей его дядя Рассел и по ночам слушающей, как он трахает ее мать в соседней комнате.

Теодора встряхнула куклу, и из прорехи в плече посыпались зеленые семена. *Тмин*, подумала она. Как странно.

Она была бесплодна. Совершенно не способна стать матерью в физическом смысле, что Раса нисколько не беспокоило – он и так не хотел иметь детей. В худшем случае она могла представить себе, каким кошмаром он станет для дочери или сына, ничем не лучше ее собственного отца (упокой Господи его душу). И все равно от осознания этого больно...

И вот вам, пожалуйста.

Скривив губы и плотно-плотно, до боли, сжав их, она схватила куклу обеими руками, сдавив пальцами одну ручку и противоположную ножку. Потянула их в разные стороны – и стежки лопнули, распустились. Пряности, стружка и семена тмина посыпались наружу – в пыльном, сладко пахнущем облачке. *Ты непослушная маленькая девочка!* – зазвучал в голове голос отца. Когда он был разъярен, всегда брызгал на нее слюной. *Непослушным детям игрушки не полагаются!*

По ее щекам текли слезы, перемешиваясь с потом. Ручка с ножкой оторвались, кукла упала на пол. Всклипнув, Теодора бросила оторванное, наклонилась и подняла тряпичное тельце. Оторвала все оставшееся – ручку, ножку и под конец голову.

Оставшийся кусок ткани – туловище куклы – обвис в ее руке, вывалив содержимое на пол. Комната пропахла едким запахом ее внутренностей.

Теодора вытерла лицо тыльной стороной ладони, протирая глаза до тех пор, пока все не перестало расплываться. Зрение вернулось, взгляд опять сфокусировался на беспорядке на полу. Рваная синяя ткань, коричневая стружка, зеленоватые семена и еще что-то. Она присела на корточки и стала копаться в мусоре кончиком указательного пальца. Что-то еще было в травяной мешанине – какие-то серо-белые осколки...

Это были кости.

Крошечные, раскрошенные суставы. Пальцы рук... или ног... нет, скорее, все-таки рук. Пальцы рук *маленького ребенка*.

Младенца.

Ахнув и отшатнувшись назад, Теодора потеряла равновесие и упала. Приложилась крестцом, довольно-таки больно. Имя мужа сорвалось с ее губ боязливым шепотом, как если бы то было слово из заклинания... или ругательство. Она беспомощно рассмеялась над абсурдностью своего ужасного открытия, но вскоре смех сменился слезами.

Покончив с рыданиями, Теодора поднялась с пола, достала из шкафа метлу и совок и все подмела. Содержимое совка – специи, кости и остальное – бросила в кухонную мусорку.

Еще один этап ее вечерней уборки, не более того. Во всяком случае, ничего такого, что нельзя заглушить крепким напитком.

Забавно, я ведь даже не пью, подумала она, наливая немного джина из запасов Раса в граненый стакан. Напиток обжег горло, дыхание на миг перехватило. Потом Теодора налила себе еще стакан. Покончив и с ним, она взошла по ступенькам, чтобы проверить, как дела со стиркой.

Глава 6

Джоджо хлопнул себя ладонью по лбу.

– Идиот, – в сердцах бросил он.

У него ведь были книги. Целая чертова куча – а до его каморки через облупленную фанерную стенку будки Джейка рукой подать. А он тут сидит и воняет часа полтора: курит сигарету за сигаретой, смотрит в стену как умалишенный и буквально издыхает от желания что-нибудь почитать. Нет, ну не болван ли.

Так на меня бессонница действует, рассудил он. *Бессонница и та насквозь тупая киношка, которую крутили во «Дворце».* Он уже досконально, от буквы до буквы, изучил тонкую брошюру доктора Фримена, подобранную на улице, – такой экзальтированной и бездарной чепухи ему давно не приходилось видеть. Раздули из мухи слона – неудивительно, что тот, охочий на клубничку, парень выкинул буклет прямо на улице.

Всеми мыслями Джоджо теперь завладели стопки разнокалиберных книг в комнате, небрежно сложенные на длинном сосновом бруске, подпертом двумя бетонными блоками. Эта конструкция – замена журнальному столику – стояла рядом с его койкой. Там были Рекс Стаут и пара томов Чандлера, последний роман Джеймса Хилтона «Плоды случайности» и довольно обширная подборка дешевых литературных журналов с фантастикой, не говоря о Хемингуэе и Грэме Грине, ужасниках Кларка Эштона Смита и Артура Мэкена.

Уйма всего, но в данный момент Джоджо ничто из этого не прельщало.

Едва ли кто-то заподозрил в помято-неряшливом копе со шрамированным лицом большого любителя книг, но Джоджо Уокера это вполне устраивало. Он усвоил с ранних лет, что людей почти никогда не интересует суть вещей. Обертка – собачья шерсть, кривая рожа – с лихвой окупает их любопытство, а до того, что под ней, до души, которая, может статься, совсем другая на вид, им дела нет. Ничего не поделаешь – таких много, большинство. Джоджо походил на ожившее клише, но благодаря этому обретал некую *блаженную анонимность*, которой не ведал в жизни, пока не влился в обычный людской пейзаж и не начал жизнь тихую, одинокую, с чистого листа. В Литчфилде было достаточно ярких молодых людей с лоснящимися будками – незачем пристально следить за суровым уродливым парнем Джоджо Уокером. И хорошо, что они мало о нем знают.

И хорошо.

У него были свои книги. Своя койка. Работа, никогда не требовавшая многого, и, да поможет ему Бог, пара-тройка друзей – пусть таких же парий, как он сам. Почти как у того парня из романа Артура Кестлера «Слепящая тьма» – как его там, Рубашов? Разве что жалости к себе побольше...

Высунувшись из будки, Джоджо пронзительно свистнул Чарльзу через вестибюль.

– Да, босс?

– Я тебе не босс, Чарльз.

Негр ответил белозубой улыбкой.

– Я сейчас зайду к себе в кабинет на минутку, а ты покарауль, ладно?

Чарльз кивнул. Джоджо закрыл дверцу одной клетки и отпер другую, собственную. Роман Кестлера остался там, где он положил его в прошлый раз – между старым изданием «Четырех квартетов» Элиота и новым «Вне пространства и времени» Эштона Смита, на узловатой серой доске, с торчащей между страниц полоской, вырванной из газеты, такой импровизированной закладкой. Джоджо раскрыл книгу в заложенном месте, и его взгляд скользнул к последней фразе, запомненной из прочтенного, – той самой, что не давала ему спать во время вечерних раздумий.

Сатана же, напротив (писал Кестлер), худ, аскетичен и фанатично предан логике.

Старый добрый логичный Сатана...

В вестибюле кто-то пронзительно закричал.

Джоджо вернул газетную полоску на место и бросил книгу обратно. Опрометью выскочил в вестибюль, на ходу сжимая-разжимая кулаки. Только бы поспеть, пока самое плохое не случилось.

Чарльз стоял у сигаретного автомата, слегка сгорбившись и придерживая упавшую в обморок женщину, в которой Джоджо узнал одну из медсестер из гигиенического шоу – ту, что посимпатичнее, умеющую улыбаться. Она все еще была в форме медсестры, хотя чепчик и чулки отсутствовали, а блузка была растягнута до самой груди.

Она вся была забрызгана кровью.

– Босс Уокер! – воскликнул Чарльз, и его лицо превратилось в маску ужаса. – Скорее сюда! Босс Уокер!

Объяснений не требовалось. На бегу Джоджо инстинктивно потянулся к своему боку, нащупывая пистолет, которого не было. К Чарльзу он подоспел с пустыми руками, он принял вес женщины на себя, осторожно приобнял за голову. Ее глаза закатились за верхние края век, рот был приоткрыт. Она жалобно стонала.

– Давай-ка отнесем ее на диван, – предложил Джоджо.

Чарльз кивнул, и они вместе отнесли окровавленную медсестру в тесную гостиную, уложили поперек кушетки. Она сильно задрожала, и, как раз в тот момент, когда, казалось, вот-вот потеряет сознание, ее тело напряглось и она издала еще один громкий крик.

– Всё в порядке, леди, – заверил ее Чарльз. – Босс Уокер, конечно, страшен как грех, но плохого вам ничего не сделает, клянусь!

Джоджо бросил на Чарльза скептический взгляд. Негр виновато пожал плечами.

– Вы не ушиблись?

«Медсестра» испуганно задрожала, беззвучно шевеля губами, но ничего не говоря.

– Чарльз, сходи позвони доктору Горнеру.

– Уже бегу! – И Чарльз впрямь побежал к стойке портье.

– И шерифу Ричу тоже! – крикнул ему вслед Джоджо. Сама мысль о том, что Эрни Рич, чертов ублюдок, обладает хоть каплей власти в этом городе, претила, но тут ничего не попишешь. Так много крови на этой девице...

И, судя по всему, это не ее кровь.

– Мисс, – окликнул ее Джоджо, легонько шлепнув по окровавленной щеке тыльной стороной ладони. – Мисс, мисс, успокойтесь. Лучше расскажите мне, что случилось.

– Босс Уокер, я вызвал врача! – крикнул Чарльз через весь вестибюль. – Уже звоню в полицию!

Джоджо кивнул и шлепнул истеричку по лицу еще раз. Та бессвязно забормотала.

– Боже, – буркнул Джоджо, – я не скоро до нее достучусь.

Чарльз поспешно вернулся из-за стойки портье, его глаза были широко раскрыты, на лице блеснул пот.

– Они все уже в пути, мистер Уокер.

– Зови меня просто Джоджо, Чарльз, я же говорил...

Женщина вновь закричала, заглушив голоса обоих.

– Я схожу наверх, – сказал Джоджо с глубоким вздохом.

– Может, лучше подождать полицию? – забеспокоился Чарльз. – Вдруг шерифу не понравится, что...

– Мне плевать, что нравится шерифу, а что нет. Хочу засвидетельствовать все лично, пока этот хвастливый говноед не добрался сюда.

Джоджо встал и посмотрел на дрожащую женщину на диване, задаваясь вопросом, сможет ли она когда-нибудь пережить то, что с ней случилось.

– А как же я? – спросил Чарльз. В его надломленном голосе звучали панические нотки. – Не бросите же вы меня здесь одного...

– Она не кусается, Чак.

– Я не про нее, босс Уо... Джоджо. Я про конторку – не могу же я там сесть!

– Придется. Гостиничный блюстителю порядка тут я, черт возьми. Мне нужно пойти и все разведать.

– Но Джоджо! Если я сяду в конторку, мистер Гиббс меня на улицу выставит!

Джоджо, нахмурившись, упер кулаки в бока.

– Хорошо, как насчет того, чтобы ты пошел и посмотрел, откуда вся эта кровища?

Чарльз поник.

– Ты ведь не станешь звать меня трусом, Джоджо?

– Даже не мечтай об этом, приятель. Слушай, просто побудь в вестибюле. Когда врач и шериф придут, поговори с ними. А я поднимусь наверх. Я быстро, у нас сейчас занято всего девять комнат.

Чарльз опустил голову и застонал. Джоджо вернулся в свой кабинет, выхватил из ящика стола пистолет и сразу направился к лестнице.

– И не спускай с нее глаз, – сказал он, проходя мимо посыльного.

– Помилуй Боже, – выдавил Чарльз и перекрестился.

Поднявшись на второй этаж, Джоджо нос к носу столкнулся с мужчиной в шелковом халате и домашних туфлях. Тот при виде оружия ахнул.

– Всё в порядке, – заверил его Джоджо. – Я тутшний законник.

– Господи, а я-то перепугался! Тут кто-то кричал...

– На то у меня и пушка в руке, друг. Не просто же так я ее достал.

Застигнутый врасплох, мужчина отступил. Джоджо протиснулся мимо него в узкий коридор, тускло освещенный и серый, с хорошо утоптаным ковром цвета детской неожиданности (когда-то он был оранжевым). Из пятнадцати ламп, висевших в ряд под потолком, работали только девять. За дверью номера 203 красовалась пара лакированных туфель – гость, похоже, ошибочно счел, что остановился в приличном месте. Из номера 206 доносилось приглушенное пение радиоприемника.

Джоджо крепче сжал пистолет, его ладонь начала потеть. Он нахмурился от любопытной мысли, терзавшей его ум: *этот пистолет не принесет никакой пользы*.

Люди из передвижного шоу занимали комнаты в дальнем конце коридора – 213, 214 и 216. Двести пятнадцатый номер всегда оставался незанятым, в память о жене бывшего хозяина отеля, которая повесилась там одним пасмурным сентябрьским утром. Ни у кого из нынешнего руководства даже ключа от той комнаты не было, хотя Джоджо предполагал, что, имея толковую отмычку, справился бы с замком. Впрочем, он никогда не пробовал.

По его разумению, в убранстве коридора, купающемся в приглушенном свете, ровно ничего не изменилось с последнего его визита сюда. Ну разве что... да вот они – пятна темно-багрового оттенка на двери в номер 214, на ручке и дверных косяках. И на бурую подложку ковра тоже немного угодило. Джоджо потянул носом воздух и процедил через зубы, ощущая в гортани затхлый табачный дым и копившуюся десятилетиями пыль.

Джордж Уокер и раньше видел кровь, много крови.

Например, в бытность свою помощником шерифа, видал целую лужу крови, натекшую из Агаты Динвидди, второй жены Джона Динвидди, что вдвое моложе его. Дело было в одном из тех уединенных плантаторских домов, которые являлись частью Литчфилда только на бумаге. Жилище Динвидди от стандарта не отличалось: провисшая брезентовая крыша, окна из промасленной бумаги, грязь на полу (ну или пол из грязи). Сложно понять, как Агата вообще

клюнула на Джона; только она и смогла бы объясниться, вот только муж распорол ее от носа до брюха, натурально загнал лезвие в живот и тянул вверх до самой грудины, где оно застряло в ребрах. В результате вышел ужасный беспорядок, и Рич сказал помощнику шерифа Уокеру, что заставил бы Джона Динвидди убрать все это, не разнеси тот самому себе голову из отцовского мушкета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.